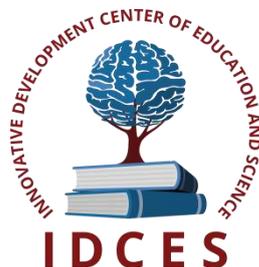

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Теоретические и практические аспекты развития
юридической науки**

Выпуск IV

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 августа 2017 г.)**

г. Ростов-на-Дону

2017 г.

УДК 34(06)
ББК 67я43

Теоретические и практические аспекты развития юридической науки. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. г. Ростов-на-Дону, 2017. 69 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсалямов Рашит Галемзянович (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г.Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (Украина, г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент (судья в отставке) Корниенко Валерий Тарасович (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г.Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г.Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикула Ильмира Рифкатьевна (г.Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г.Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам IV Международной научно-практической конференции «**Теоретические и практические аспекты развития юридической науки**», г. Ростов-на-Дону представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2017 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	6
ЗАКОН ЮРИДИЧЕСКИЙ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (КОНЕЦ XIX –НАЧАЛО XX ВВ.) Фролова Е.А.	6
СЕКЦИЯ №2.	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	8
СУЩЕСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РЕФЕРЕНДУМА В СССР Вашакидзе Г.Т.	8
УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ Ерёмин А. В.	10
РОЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ В РАЗВИТИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА РОССИИ Ярошенко Н.И.	13
СЕКЦИЯ №3.	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	16
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ УСЛУГИ 1 Алексеева Е. В., 2 Алексеев Д.Н.	16
THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF LEGAL SERVICES Alexeeva E.V., Alekseev D.N.	17
ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Аникеев Г.С.	21
КРИТЕРИИ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ) Егорова А. И.	23
ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФИКТИВНОГО И ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА Лазарева Н.А.	25
РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ Сусликова А.В.	28
СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	31
ОЧЕРЕДНОСТЬ НАСЛЕДНИКОВ И ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ Маркина Л.А., Рыбакова А.И., Фадеева Л.Д., Сологубова Т.В.	31
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Маркина Л.А., Рыбакова А.И., Фадеева Л.Д., Сологубова Т.В.	35

СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;	39
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;	
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	39
АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН	
Гаврилов Е.Д.	39
МЕСТО АМНИСТИИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ	
Дубровин В.В.	41
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» И «ЯТРОГЕНИЯ»	
Замалеева С.В.	44
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА;	
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	46
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕСТИТУЦИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Дубровин В.В.	46
ОСМОТРЫ КАК СУДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ	
Курочкина Ю.С.	48
EXAMINATIONS AS JUDICIAL ACTIONS OF THE INVESTIGATIVE NATURE: PROBLEMS OF APPLICATION IN PRACTICE	
Kurochkina J.S.	48
СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	
Усачев А.А., Котлярова Л.Н.	51
ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АДВОКАТУРЫ КАК ПРАВООЩИТНОГО ИНСТИТУТА	
Усачев А.А., Котлярова Л.Н.	53
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	56
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	56
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	
Рубцова М.В.	56
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	58
О ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВАЛЮТНОЙ СФЕРОЙ РОССИИ	
Александров А. А.	58

ВЗАМОСВЯЗЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ ДО 2030 ГОДА Капыш В.П.	60
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПОЛИЦИЕЙ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЗМОЖНОГО НАСТУПЛЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ УГРОЗЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 1 Николаев А.Г., 2 Пестов Н.Н.	62
СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.....	66
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД.....	67

СЕКЦИЯ №1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЗАКОН ЮРИДИЧЕСКИЙ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (КОНЕЦ XIX –НАЧАЛО XX ВВ.)

Фролова Е.А.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Начиная с античного мира, тема понимания и классификации наук, позднее – вопросы соотношения естественных и социальных наук занимают умы исследователей, в том числе, юристов. В рамках этой проблематики интересно сопоставить понимание закона в естественнонаучном смысле и закона как источника права (юридического закона).

Закон в естественнонаучном смысле представляет собой общую формулу, выражающую установленное единообразие явлений. Этот закон выражает постоянство, которое существует в силу природы вещей в отношениях между явлениями: «Формула закона гласит: при таких-то условиях происходит то-то. Это установлено не человеком, но естественными свойствами данных условий, иначе говоря, самой природой» [4, 20]. Закон выражает то, что существует в действительности, поэтому можно утверждать, что закон есть обобщенное выражение действительности.

Юридический закон состоит из правовых норм. Правовые, как и другие социальные нормы (мораль, религия), включают в себе правило должного поведения, следовательно, выражают то, что признается необходимым в соответствии с целевой деятельностью людей. В связи с этим, нормы права (частный случай норм вообще) могут быть нарушены, закон в естественнонаучном смысле нарушить нельзя. Закон неизменяем и постоянен, он, как писал С.А. Муромцев, «может быть парализован в своем действии; но не может быть устранен, как скоро присутствуют условия, к которым он относится» [4, 21]. Например, можно препятствовать сближению двух тел, но нельзя устранить самого закона тяготения, который продолжит свое действие (в форме давления на препятствие). Естественнонаучный закон не зависит от воли человека, в нем выражается то, что существует с необходимостью и потому не зависит от случайностей человеческой воли.

С помощью установления правовых норм регулируются общественные отношения, и показывается путь достижения правового порядка на уровне общества, поэтому правовые нормы можно расценить как причину, влияющую (определяющую) поведение людей в социуме. Законы выражают устойчивые единообразные связи явлений, но не являются их причиной. Законы объясняют, каким образом явления совершаются: закон тяготения объясняет, не почему тела тяготеют друг к другу, а только как они тяготеют.

Однако здесь есть свои особенности. Стоит отметить, что законы для окружающего мира - есть не что-то представленное человеком (не то, каким мир должен быть по его разумению), а является описанием этого мира, таким, каким он объективно существует вне рассмотрения и оценок его со стороны человека. В качестве примера абсолютного закона можно назвать теорию относительности Эйнштейна. Эта теория претендует на то, чтобы быть глобальным законом. Кроме того, следует добавить, что попытка найти такой универсальный закон - мечта любой естественной науки, их основная цель, поскольку выведение такого закона явится свидетельством того, что данная область всецело изучена и понята. В идеале, зная такой закон, человек может предсказывать свойства объекта даже без возможности их измерить и подтвердить экспериментально (опытным путем). В биологии такой закон пока не найден (хотя открытие генов, расшифровка генома дает небольшой толчок в этом направлении, но это только лишь шаг к выведению общего закона). В химии такой закон был открыт, благодаря чему наступил расцвет химической науки. Речь идет о периодическом законе, открытом Менделеевым, который лежит в основе периодической таблицы. Данный закон абсолютен, универсален и позволил предсказать объекты и свойства, неизвестные на момент его создания.

Ключевым отличием в понимании закона для естественных наук является то, что человек не может его искусственно создать, придумать; такой закон должен быть "пойман" на основании опыта, научного эксперимента. Вывести закон для естественных наук гораздо сложнее, что связано с ограничением в познании и пониманием того, как существуют и взаимодействуют элементы внешнего мира. Если в социальных науках закон может быть "придуман" и признан как некая аксиома, в естественных науках это

невозможно. В то же время, в формальных^[1] науках (математике, геометрии, статистике, информатике, кибернетике и др.) формирование закона схоже с тем, как он выводится в социальных науках. Это связано с тем, что в формальных науках элементы представляют собой абстрактные, не имеющие физического воплощения объекты, что позволяет принять и вывести закон исходя из размышлений (умозрения). В этом смысле закон в естественных науках стоит обособленно, поскольку теоретическое обоснование его является необходимым, но не достаточным.

По мнению отечественного правоведа Н.М. Коркунова, закон нельзя признавать причиной явлений, он есть их результат. В этом смысле действия законов приложимы и к человеческой деятельности. Поскольку природа всех людей наделила общими свойствами, можно выделить однообразие явлений, которые и составят закон человеческой деятельности. Другая точка зрения на соотношение норм (область должного) и законов (сфера сущего) заключается в признании отсутствия между ними принципиального отличия. Однако стоит признать, что между юридическим законом и естественнонаучным все же существуют следующие различия:

1) Деятельность права всегда предполагает волевой сознательный момент. Его предписания не устанавливаются сами по себе, без вмешательства человека. Что касается законов в естественнонаучном смысле, то их действие не связано с волей человека: они действуют как до открытия их людьми, так и после. «Открытие Ньютоном закона тяготения ничего не изменило в порядке явлений тяготения. И до Ньютона, и после него сила тяготения остается неизменно прямо пропорциональной массе и обратно пропорциональной квадрату расстояния» [3, 74-75].

2) Закон есть всегда необходимый порядок, который нельзя нарушить. Нормы права нарушаются; правовой порядок – обязателен, однако обязанности могут быть не исполнены или ненадлежащим образом исполнены, в то время как с природной необходимостью бороться очень сложно (пожары, наводнения, извержения вулканов и др.) – необходимость освобождает даже от обязанностей.

3) Закон не допускает исключений, его действие не может изменяться во времени и месте – он имеет безусловный характер. Кроме того, он предполагает предельный уровень обобщений и не может быть сведен к какой-либо другой, более простой форме. Что касается правовых норм, то их система крайне разнородна, она зависит от многих факторов, даже в одной местности и одновременно может действовать несколько видов законов. Кроме того, правовые нормы не являются предельными обобщениями. Они изменяются с развитием социальных отношений и тем самым регулируют их.

Таким образом, юридический закон и закон в естественнонаучном смысле – понятия разнородные. Норма права есть правило должного поведения, которое может быть нарушено; нормы служат причиной действий человека. Закон в научном смысле – выражение существующего в действительности однообразия явлений, он не допускает отклонений, не может быть нарушен и не может выступать в качестве причины этих явлений. На эти же отличия обращал внимание С.А. Муромцев: «Юридический принцип указывает на то, что должно быть; закон – на то, что есть в силу свойств человека, общества и мира. Юридический принцип составляет продукт человеческой деятельности; закон стоит над ней. Юридический принцип может быть нарушен человеком, нарушение закона свыше человеческих сил. Юридический принцип подлежит критике – критика закона не имеет смысла» [3, 71-72; 4, 22].

¹ Необходимо уточнить, что существуют различные классификации наук, например, науки разделяются на точные, которые изучают количественно точные закономерности и используют строгие методы проверки гипотез, основанные на воспроизводимых экспериментах и логических рассуждениях (математика) и когнитивные (все остальные); на эмпирические (естественные и социальные) и абстрактные или формальные (математика, информатика, кибернетика).

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. М., 2016.
2. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ / Отв. Ред. И.Д. Рожанский. М., 2017.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Пред. д.ю.н., проф. И.Ю. Козлихина. СПб, 2003.
4. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права/ С.А. Муромцев. М., 2016. С.21.
5. Рожанский И.Д. Естественнонаучные сочинения Аристотеля / Аристотель. Сочинения в 4 т. Т.3.М., 1981.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие. В 2-х томах. Т.1. Вып.1. М., 1995.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

СУЩЕСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РЕФЕРЕНДУМА В СССР

Вашакидзе Г.Т.

Санкт-Петербургский Государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург

Одной из форм непосредственного осуществления народом своей власти в стране выступает референдум, на котором предусмотрено принятие окончательных решений по наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни населения. Говоря об институте референдума в СССР, а именно начиная со смены в результате большевистского переворота политического устройства в России в 1917 году, необходимо отметить, что под влиянием государственной политики проводимой руководством страны, референдумный процесс в Союзе ССР имеет относительно небольшую историю существования, и соответственно, практику проведения.

Данная ситуация осложнялась тем, что на законодательном уровне институт референдума также не был закреплен. Так, Основной закон СССР 1924 года не содержал положений касающихся непосредственного участия населения страны в решении государственных вопросов. Вместе с тем, Конституция РСФСР 1918 года предусматривала для граждан страны право проведения общих собраний на селе с целью решения управленческих вопросов.[7] Однако принятые на таких собраниях решения, в большинстве своем, не являлись окончательными, в связи с чем, их следует отнести больше к всенародным обсуждениям, а не голосованию.

Данное утверждение подтверждается постановлением VIII Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве 1920 г.», в котором говорилось о возможности непосредственного участия граждан страны в решении общегосударственных и местных вопросов через консультативный и совещательный референдум.[1] Вместе с тем, этот факт также подтверждает то, что, несмотря на политику, проводимую в стране, возможность проведения референдума, все таки, существовала.

Так советской делегацией, в ходе переговоров по заключению Брестского мира в 1918 году, было предложено, исходя из общих принципов Декрета о мире, гарантировать тем национальным группам, которые до войны не имели политической самостоятельности, самостоятельно, через свободный референдум определить свою судьбу. Аналогично, Совет Народных Комиссаров СССР в Декрете 1918 года «О Турецкой Армении» поддержал право населения «Турецкой Армении» на свободное самоопределение.[3]

Вместе с тем, данные прецеденты существовали только на определенной местности, а право допуска населения к решению общегосударственных вопросов появилось только в Конституции Союза СССР 1936 года, а позже и в Конституции РСФСР 1937 года. Всенародный опрос мог проводиться по инициативе президиума Верховного Совета СССР и РСФСР соответственно, или по требованию одной из союзных республик.[8]

Следовательно, после 1936 года всенародное голосование в СССР получило свое законодательное закрепление.

Дано право также было закреплено и в Конституции Союза 1977 года, а именно в статье 5 говорилось об обязательном определении мнения народа по наиболее важным вопросам государственной жизни путем проведения всенародного обсуждения либо референдума.[9]

Однако проекты Конституций Союза ни 1936 ни 1977 годов не стали предметом голосования, а были лишь предметом обсуждения, что показывает отношение большевистской власти к референдуму. Кроме того, проводимы всенародные опросы, под видом референдумов имеют мало общего с современным пониманием данного института.[4]

Это объясняется тем, что в стране отсутствовал порядок, сама процедура проведения референдума, механизм определения результатов. Все это требовало также законодательного закрепления, о чем неоднократно говорили многие отечественные ученые того времени. Так, например, В.Ф. Коток, предлагая принять нормативный акт о общесоюзном референдуме, выдвигал конкретные предложения по структуре и содержанию будущего акта.[10]

Однако некоторая работа по данному вопросу проводилась, что подтверждается включением в перечень актов, подлежащих разработке президиумом Верховного Совета СССР с участием Совета Министров СССР проекта Закона о порядке проведения всенародного голосования (референдума).[12]

Закон СССР № 1869-1 «О всенародном голосовании (референдуме) СССР», предусматривающий право граждан на принятие решений всенародным голосованием по наиболее важным вопросам государственной жизни, был подписан Михаилом Горбачевым 27 декабря 1990 года.

Кроме того, в РСФСР, в Декларации о государственном суверенитете 1990 года также было включено положение о том, что территория РСФСР может быть изменена только через волеизъявление народа.[2]

Необходимо отметить, что до принятия союзного закона о референдуме, были приняты аналогичные законы в Литве, в РСФСР и других республиках.[5]

Таким образом, с этого момента референдумный процесс, организация и порядок его проведения в СССР получили свое законодательное закрепление, что послужило толчком к его активному использованию.

Так, в результате многочисленными обращениями трудящихся граждан и накаленной обстановкой в стране, что прямо было указано в Постановлении от 24.12.1990 года, съездом народных депутатов СССР было принято решение о проведении референдума СССР по вопросу сохранения обновленного Союза как федерации равноправных суверенных Советских Социалистических Республик.[13]

Во исполнение данного Постановления Верховный Совет СССР 16 января 1991 года, с учетом положений, касающихся того, что только народ и никто другой не вправе брать на себя историческую ответственность за судьбу и дальнейшее существование СССР, принял Постановление регламентирующее обеспечение проведения референдума по данному вопросу.[14]

На референдум, которому суждено было стать единственным за историю существования СССР, проведенный 17.03.1991 года, был вынесен вопрос о необходимости сохранения СССР, на котором большинство проголосовало за сохранение Союза. Однако принятому решению суждено было просуществовать не долго. Параллельно с союзным референдумом проводился референдум РСФСР, на который выносились вопросы о необходимости введения поста президента РСФСР.[6]

Итогом политико-юридического распада СССР было подписание 08.12.1991 года президентами Белоруссии, РСФСР и Украины Беловежского соглашения, которым признавалось образования независимых государств и прекращалось существование СССР. Как писали в то время многие источники, растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества.[11]

Позже Постановлением Государственной Думы Российской Федерации от 15.03.1996 № 157-П ГД было признано грубое нарушение волеизъявления народов России должностными лицами РСФСР, подготовившие, подписавшие и ратифицировавшие решение о прекращении существования Союза ССР.[15]

Подводя итог можно подчеркнуть, что история развития референдумного процесса в каждой стране имеет свои особенности. Вместе с тем, говорить об отсутствии данного института в СССР, вследствие политики, проводимой властью страны, не обоснованно.

На основании нормативных правовых актов о референдуме, принятых в Союзе ССР разработаны законы Российской Федерации, регулирующие организацию и проведение референдума в России.

Таким образом, в течение существования Союза ССР референдумный процесс и само голосование получило приоритет над всеобщим обсуждением, кроме того он получил свое законодательное закрепление, с определением порядка его проведения и механизма подсчета голосов.

Список литературы

1. Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских, и казачьих депутатов, Постановление от 23.12.1920 «О Советском строительстве»// http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_798.htm
2. Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.//<http://constitution.garant.ru/act/base/10200087/>
3. Декрет о «Турецкой Армении». Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957.// <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-29.htm>
4. Дмитриев Ю. А. , Комарова В. В. Референдум в системе народовластия.//М.: Манускрипт,

1995. - 323 с.

5. Закон РСФСР от 16.10.1990 № 241-1 «О референдуме РСФСР»// Ведомости СНД и ВС РСФСР", 25.10.1990, № 21, ст. 230
6. Комарова В.В. Референдумный процесс в Российской Федерации. Учебное пособие// Под ред.: Кутафин О.Е. - М., 2004. - 607 с.
7. Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года// <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm>
8. Конституция (основной закон) СССР/Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов СССР 5 декабря 1936 года/Ю.С.Кукушкин, О.И.Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987 г. С. 67.
9. Конституция (Основной Закон) СССР. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.// <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm>
10. Крылов Б. С. Институт референдума в России и за рубежом // Российский юридический журнал. 2009. № 4.С. 95-101.
11. Обращение к советскому народу ГКЧП СССР от 18 августа 1991 года// <http://www.agitclub.ru/gorby/putch/gkcpdocument.htm>
12. Постановление Центральный Комитет КПСС Президиум ВС СССР Совет Министров СССР от 23 марта 1978 г. N 229 Вопросы свода законов СССР // http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/usr_9592.htm
13. Постановление Съезда Народных Депутатов СССР от 24.12.1990 № 1856-1 «О проведении референдума СССР по вопросу о СССР»// Ведомости Съезда Народных Депутатов СССР и Верховного Совета СССР, М., 1990, № 52, ст. 1161.
14. Постановление ВС СССР от 16.01.1991 № 1910-1 «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении СССР»// Ведомости Съезда Народных Депутатов СССР и ВС СССР, М., 1991, № 4, ст. 87
15. Постановление ГД ФС РФ от 15.03.1996 N 157-II ГД «О юридической силе для Российской Федерации - России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР»//«Собрание законодательства РФ», 25.03.1996, № 13, ст. 1275

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Ерёмин А. В.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Санкт-Петербург

Местное самоуправление является «формой осуществления народом своей власти, обеспечивающей в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» (ч.2 ст.1 Федерального закона №131-ФЗ) [9]. Определение акцентирует внимание на традиционном для современных государств институте народовластия (демократии), который в контексте указанного федерального закона может расцениваться как частный случай реализации конституционного принципа (ст.3 Конституции РФ) [2], так и специфический уровень власти — наиболее приближенный к населению, занятый решением вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности последнего, и, наконец, обладающей ярко выраженными местными особенностями.

В институте местного самоуправления проявляются философские категории «общего», «особенного» и «единичного». Переплетение этих категорий во многом обусловлено распределением властных полномочий в данной сфере общественных отношений. Установление общих принципов организации местного самоуправления относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «н» ч.1 ст.72 Конституции РФ), поэтому властные полномочия в этой сфере требуют особого

регулирования. Федеральный закон №131-ФЗ закрепил за федеральными органами государственной власти, прежде всего, «определение общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации, устанавливаемых настоящим Федеральным законом» (ст.5), а «правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом» — за органами государственной власти субъектов России (ст.6). Иными словами, правовое содержание категории «общее» в местном самоуправлении определяют органы государственной власти Российской Федерации, а категории «особенное» — органы государственной власти субъектов Российской Федерации. В действительности такого четкого разграничения провести нельзя. Во-первых, граница между указанными категориями динамично изменяется в силу того, что в практике распределения предметов совместного ведения прослеживается тенденция к расширению компетенции федеральных органов власти и сужению — региональных органов власти. Во-вторых, Российская Федерация оставляет за собой правовое регулирование особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях — в закрытых административно-территориальных образованиях, в наукоградах, на приграничных территориях, в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции), на территории инновационного центра «Сколково», на территориях опережающего социально-экономического развития (см. ст.80-82.3 Федерального закона №131-ФЗ), а также в других случаях, определяемых необходимостью интенсификации экономического развития отдельных территорий.

Что касается правового содержания категории «единичное», то оно определяется на муниципальном уровне, населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления. «Единичность» или, можно сказать, «индивидуальность» связана, во-первых, с необходимостью решения вопросов местного значения, перечень которых, согласно главе 3 Федерального закона №131-ФЗ, определяется для каждого из 4 видов муниципальных образований отдельно, и предусматривает возможностью его уточнения применительно к отдельным муниципальным образованиям, что дополнительно дифференцирует последние. Во-вторых, федеральный законодатель указал, что вопросы местного значения должны решаться исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций. Не будет преувеличением сказать, что все, находящееся за пределами правового регулирования Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, обладает местным характером, решается исходя из местных особенностей.

Таким образом, местное самоуправление представляет собой сложный институт, в котором переплелись «интересы» всех уровней публичной власти, прежде всего, государственной в лице Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и муниципальной в лице муниципальных образований.

На муниципальном уровне важную роль играют «исторические и иные местные традиции». В научной литературе уделяется малое внимание этому понятию: в работах обобщающего характера [3; 4; 6; 7; 8; 14] и в комментариях к Федеральному закону №131-ФЗ [1; 11] воспроизводятся формулировки федерального закона, в силу того, что для авторов главное значение имеют общие для всех муниципальных образований принципы организации местного самоуправления, а местные особенности всего лишь «оттеняют» первые. Или, что встречается также довольно часто, местные особенности рассматриваются в контексте вопроса об источниках муниципального права [например, 7, с.157-159] — место правового обычая и его связи с традиционным образом жизни.

Вместе с тем, есть научные работы затрагивающие вопросы местных традиций и их значения для местного самоуправления. Так, Р. М. Усманова отмечает, что органы местного самоуправления активно и широко учитывают местные традиции в своей деятельности, например, при возвращении исторических названий географическим объектам, использовании исторических институтов управления (старосты, сходы, советы старейшин), при поддержке внешних связей, традиционных празднеств [13]. Приведенные примеры следует дополнить теми, которые прямо указаны в действующем законодательстве — это установление официальных символов (ст.9 Федерального закона №131-ФЗ), определение границ муниципальных образований (п.3 ч.1 ст.11) и наименований представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) (ч.3 ст.34). Элемент местных традиций прослеживается в правовой, территориальной, организационной, а также экономической основах местного самоуправления.

Влияние местных традиций не следует рассматривать как неограниченное: Российская Федерация является правовым государством, а значит, деятельность органов местного самоуправления и сфера применения местных традиций ограничены рамками действующего законодательства, федерального и

регионального. Несмотря на организационную и функциональную самостоятельность местного самоуправления (ст.12, 131-132 Конституции РФ), органы государственной власти являются субъектами муниципально-правовых отношений, и в ряде случаев они резервируют средства вмешательства, например, механизмы временного осуществления органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления (см. ст.75 Федерального закона №131-ФЗ). В каких-то случаях это вмешательство является оправданным, в каких-то может быть спорным.

Один из таких случаев — это установление официальных символов муниципального образования. Как известно, слово «символ» имеет значение отличительного знака. Символы сопровождают человечество возможно на протяжении всего его существования: появились они когда возникла необходимость выделить какой-то предмет или какого-то субъекта из ряда похожих. Со временем количество символов увеличивалось, а их значения углублялись и дифференцировались настолько, что в эпоху Средних веков возникла прикладная область знаний — геральдика — а) наука о составлении герба как системе специальных знаний о форме, композиции и цветах герба, б) наука, изучающая гербы, их историю возникновения и использования. Вместе с наукой о флагах (вексилологией) она относится к вспомогательным историческим дисциплинам.

Расцвет символики не случайно приходится на период феодализма. Во-первых, это было связано с особенностями теологического мировоззрения человека того времени, а истолкование сущности общественных явлений и процессов происходило через упрощение и уподобление чему-то известному, как правило, в символической форме. Во-вторых, средневековое общество было сословным, в котором каждой социальной группе отводилось свое место и их символика выступала в качестве зримого отражения идентичности. В таких условиях происходило становление геральдики: символика меняется и количественно, за счет личных (родовых) гербов, гербов отдельных социальных групп, гербов населенных пунктов и территорий.

В России активная работа по составлению и использованию символов (гербов) также приходится на период феодализма: в течении первого (XVI — XVIII века) и второго периодов (XVIII — начало XX века) появляются первые гербы, происходит восприятие западноевропейских геральдических традиций, в 1722 г. создается уполномоченный орган — Герольдмейстерская контора [например, 12, с.11-21]. С 1917 по 1992 годы, в советское время старые геральдические традиции оказались прерваны, а разработывавшиеся территориальные гербы отражали изменившиеся общественные реалии. С 1992 года можно отсчитывать начало нового, российского, периода, связанного с созданием при Президенте Российской Федерации Геральдического Совета.

Начало активных работ по составлению территориальных (городских и областных) гербов в России относится к XVIII веку, концу которого каждый город в Российской империи должен был иметь собственный герб. Огромную роль в этом процессе сыграло государство, о чем свидетельствует присутствие в большинстве гербов знаков царского милости (корона, двуглавый орел) [12, с.190-193]. Существовавшие территориальные гербы дореволюционного и советского времени стали основой для развития символики современных публично-правовых образований — муниципальных. Участие Российской Федерации обеспечивает специальный государственный орган при Президенте Российской Федерации.

Согласно Положению о Геральдическом совете, это совещательный и консультативный орган, образованный в целях проведения единой государственной политики в области геральдики (ст.1 Указа Президента РФ №856) [10]. Из перечня основных задач этого органа следует выделить две — ведение Государственного геральдического регистра Российской Федерации и разработка рекомендаций по вопросам учреждения и использования официальных символов и отличительных знаков для органов местного самоуправления (ст.4 Указа Президента РФ №856). Методическая деятельность Совета направлена на создание средствами геральдики («короны достоинства») иерархической системы гербов муниципальных образований [5]. Однако как показывает опыт разработки и утверждения муниципальных гербов, в настоящее время эта задача не реализована, и более того вряд ли будет осуществлена, поскольку и разработчики, и муниципалитеты реализуют свой «творческий потенциал» в этом вопросе, а не учитывают рекомендации Геральдического совета. Надо также заметить, что время для подобных проектов упущено: что выглядело целесообразным в XVIII и XIX веках, не является таковым в XXI веке.

Список литературы

1. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах

- организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС-Консультант плюс.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
 3. Кудилинский, М. Н. Муниципальное право России / М. Н. Кудилинский, И. А. Шевелева. - Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. - 224 с.
 4. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. - 3-е изд. - Москва: Проспект, 2011. - 672 с.
 5. Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований: утверждены Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации от 28 июня 2006 года: [офиц. сайт]. — URL: <https://sovnet.geraldika.ru/article/21037>
 6. Муниципальное право России / Под ред. Н. С. Бондаря. - 4-е изд. - Москва: Юрайт, 2014. - 794 с.
 7. Муниципальное право России / Под ред. А. Н. Кокотова. - 4-е изд. - Москва: Юрайт, 2014. - 567 с.
 8. Муниципальное право России / Под ред. А. Н. Костюкова. - Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. - 687 с.
 9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. №131-ФЗ с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
 10. О Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 29 июня 1999 г. №856 с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
 11. Постатейный комментарий к Федеральному закону №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под ред. А. Г. Бабицева, С. Ю. Наумова // СПС-Консультант плюс.
 12. Соболева, Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. / Н. А. Соболева. - Москва: Наука, 1981. - 264 с.
 13. Усманова, Р. М. Значение учета исторических и иных местных традиций для муниципально-правового регулирования/ Р. М. Усманова // Государственная власть и местное самоуправление. - 2014. - № 3. - С. 46 — 50.
 14. Шугрина, Е. С. Муниципальное право Российской Федерации / Е. С. Шугрина. - 2-е изд. - Москва: Проспект, 2007. - 672 с.

РОЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ В РАЗВИТИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА РОССИИ

Ярошенко Н.И.

к.ю.н., доцент, член Ассоциации юристов России, руководитель юридического отдела
ООО «ТД «КамДрайв»

Как известно, итальянское законодательство оказало огромное влияние на регулирование государственно-правовых отношений на современном этапе развития Европы и в России в частности. Положительный конституционный опыт Италии был заимствован. Конституционализм в Европе сформировался не без участия итальянского законодателя, исторические факты подтверждают влияния Италии (их нормативных актов) на политическое и государственное развитие и России, на государственную символику России в прошлые века.

Так, автором проведен анализ действующего конституционного законодательства Италии и России и отмечается схожесть нормативно-правового регулирования государственно-правовых отношений России и Италии на современном этапе развития законодательства этих стран. В конституционных нормах обеих стран имеет место быть форма правления – республика, органы государственной власти - двух палатный парламент, глава государства - президент и правительство. При этом конституции приняты в разный период времени и развития каждой страны - в России в 1993 году в период перестройки, в Италии в 1947 году в период после 2-ой мировой войны.

История конституционных институтов в Италии насчитывает более полутора веков. За этот период страна прошла через режим конституционной монархии, тоталитарную фашистскую диктатуру, а после того, как в 1946 году в результате референдума была отвергнута монархическая форма правления, в Италии была принята одна из самых демократических конституций послевоенной Европы, которая оказала влияние

на конституционное развитие многих стран мира, в том числе и России. Данный факт в своих научных трудах отмечали такие итальянские ученые, как Амато Барбера[1], Барбера, Манцела и другие[2], А. Ди Жиовине[3].

В марте 1848 года в Королевстве Сардиния впервые был принят конституционный закон, так называемый «Альбертинский статут», названный так по имени короля Карла Альберта. После полного объединения Италии в 1870 году, Альбертинский статут стал Конституцией всей страны. По своему характеру Альбертинский статут типичная дарованная «сверху» конституция. Вместе с тем Альбертинский статут вводил отдельные элементы народного представительства. При всех своих правовых и сословных ограничениях, Альбертинский статут знаменовал собой начало демократической эволюции Италии, хотя и в рамках конституционной монархии.

Демократическое конституционное развитие Италии было прервано в 1922 году после установления в стране тоталитарного фашистского режима во главе с Бенито Муссолини. В конституционном плане новый режим оформился с принятием 24 декабря 1925 г. так называемого «Закона №2263». В стране был установлен однопартийный режим, а глава партии вождь (дуче) одновременно являлся главой всей исполнительной власти в стране. Институт монархии при фашизме сохранился. Такое положение короны облегчило ликвидацию фашистского режима в 1943 году после поражения Италии во второй мировой войне, в которой она участвовала на стороне Германии и Японии.

На референдуме 2 июня 1946 года большинством голосов (в 54,3%) была отвергнута монархическая форма правления и одновременно было избрано Учредительное собрание. 18 июня 1946 года Италия была официально провозглашена Республикой. Новая Конституция Италии была принята на торжественном заседании Учредительного собрания 22 декабря 1947 года 453 голосами, против было подано 83 голоса. 27 декабря 1947 года Конституция была промульжирована Временным главой государства И. Бономи. А с 1 января 1948 года она вступила в силу, и действует до сих пор с небольшими изменениями и дополнениями, разработанными Парламентским комитетом по конституционным реформам[4]. Разработанная в середине прошлого века конституция в Италии стала образцом построения демократии и законодательного закрепления институтов власти во многих странах мира.

Конституционализм в России, хотя и зародился позднее, чем в других государствах (Россия значительно дольше других стран оставалась в рамках абсолютистского режима), прошел достаточно длительный путь развития, характеризующийся противоречивостью, этапами становления, падения, возрождения основополагающих идей и принципов.

Конституционное развитие государства не следует связывать лишь с принятием и сменой формальных конституций, необходимо анализировать и учитывать становление (утверждение) конституционных идей и принципов, принятие актов конституционного характера высшими органами государственной власти и т. п. Исходя из этого, в истории российского конституционализма можно выделить *три периода*: 1) досоветский (до октября 1917 г.); 2) советский (с октября 1917 г. до второй половины 1980-х гг.); 3) постсоветский (современный). В до советском периоде можно отметить «Дворянский конституционализм» первой половины XVIII в.; Конституционные идеи «просветителей» второй половины XVIII в.; Идеи конституционной монархии и республиканского правления первой половины XIX в.; Конституционные акты и конституционные проекты в России XIX в.; Манифест 1905 года и Основные законы 1906 года, зачатки парламентаризма в России; Республиканское правление в России после падения монархии (февраль-октябрь 1917г.), созыв Учредительного собрания. Советский период конституционного развития России характеризуется Первыми декретами советской власти (1917-1918 года) и конституциями РСФСР (1918г., 1925г., 1937г., 1978г.). В постсоветском периоде можно отметить трансформацию государственного и общественного строя на основе изменения Конституции 1978 года в конце 80-х годов – начала 90-х.; разработка и принятие Конституции 1993 года и формирование новой конституционной модели на основе этой конституции. В тексте которой прослеживается схожесть в государственно-правовом регулировании институтов государственной власти и формы правления с Конституцией Италии.

Так, согласно статье 1 Конституции Италии[5] Италия — демократическая республика, основывающаяся на труде. Суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его в формах и границах, установленных Конституцией. Статья 1 часть 1 Конституции России[6] провозглашает, что Российская Федерация - Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть

непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Об этом свидетельствует статья 3 Конституции России.

Как известно, форма государственного правления в стране влияет на структуру конституции, естественно, что эта тенденция прослеживается и в тексте конституций Италии и России. Учитывая, что Италия парламентская республика, то глава 1 Конституции Италии «Парламент», глава 2 «Президент Республики», глава 3 «Правительство», раздел 1 «Судоустройство». В России органы власти в тексте нашей Конституции начинаются с главы 4 «Президент Российской Федерации», далее глава 5 «Федеральное Собрание», глава 6 «Правительство» и глава 7 «Судебная власть и прокуратура», поскольку Россия относится к смешанной республиканской форме правления.

Положительный опыт парламентаризма Италии, сформированный еще в середине прошлого века, повлиял на конституционно-правовой статус парламента в России, некоторые положения были заимствованы Россией в 1993 году. Данная динамика прослеживается в структуре парламента, его полномочиях. Так, в Италии согласно статье 55 Конституции[7] Парламент двухпалатный и состоит из Палаты депутатов и Сената Республики. Парламент собирается на совместные заседания членов обеих палат только в случаях, установленных Конституцией. Все полномочия и законодательный процесс прописаны в главе 1 Конституции Италии «Парламент» достаточно подробно. Стоит отметить, что итальянские ученые сами отмечают данный факт успешности конституционных реформ в Италии[8].

В России первое представительное учреждение парламентского типа (в современном понимании этого термина) было создано лишь в 1906 году. Первая Государственная Дума просуществовала всего 73 дня с 27 апреля 1906 г. - 8 июля 1906 г.; Вторая Государственная Дума с 20 февраля 1907 года - 3 июня 1907 года, Третья Государственная Дума с 1 ноября 1907 года - 12 июня 1912 года, Четвертая Государственная Дума с 15 ноября 1912 года - 25 февраля 1917 года. 26 февраля 1917 г. последовал царский Манифест о перерыве в заседаниях Государственной Думы, и больше она в полном составе не собиралась. Далее большевики совершили военный переворот в Петрограде, который положил начало Октябрьской революции. Было образовано новое правительство - Совет Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным, а также Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) во главе с Л.Б. Каменевым как высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти.

На протяжении десятилетий в России существовал однопалатный парламент, в том числе и в советский период, и только в период перестройки в России появится еще одна палата в парламенте. В октябре 1988 г. в нашей стране началась конституционная реформа. Одним из ключевых её элементов стало установление двухуровневой представительной системы, состоящей из Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. При этом вместо Верховного Совета высшим органом государственной власти становился Съезд народных депутатов СССР. Сам высший представительный и законодательный орган СССР на рубеже 1980-1990-х годов стал двухступенчатым: сначала избирали народных депутатов СССР численностью до 2250 человек, а затем они на Съезде народных депутатов из своего состава избирали Верховный Совет СССР.

Завершающий этап конституционной реформы связан с обнародованием 21 сентября 1993 г. Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», который прерывал осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. В результате революционных изменений власти были разработаны несколько проектов конституций, за основу естественно брали и конституции зарубежных стран. Разработчики учли опыт Италии, а именно конституционные нормы об институтах демократии (народ как источник власти, выборы, референдум и т.д.), парламенте, правах и свободах человека и гражданина.

После принятия, так же как и в Италии в 1946 году, на всенародном референдуме в России новой Конституции в 1993 году согласно статье 94 Конституции России в нашей стране двухпалатный парламент - Федеральное Собрание, который является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Федеральное Собрание состоит из двух палат - Совета Федерации и Государственной Думы. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти. Особенности функционирования российского парламента и его конституционно-правовой статус регламентированы в главе 5 Конституции России. Анализ конституций Италии и России свидетельствует о влиянии положительного опыта конституционного регулирования Италии. При принятии конституции в Италии в период, когда в России

был так называемый советский период и, как известно, все советские конституции были фиктивными, итальянский законодатель смог разработать в 1946 году конституционный акт, отвечающий всем современным демократическим требованиям и по сей день. Исторический путь российского парламентаризма от двухпалатного парламента к однопалатному и вновь к двухпалатному парламенту и схожесть конституционного регулирования с Италией в настоящее время свидетельствует о влиянии опыта парламентаризма Италии.

Таким образом, влияние положительного опыта нормативно-правового регулирования государственно-правовых отношений Италии на Россию наблюдалось в XX веке при принятии действующей Конституции РФ 1993 года.

¹ Amato, Barbera «Manuale di diritto pubblico», Bologna, 1997.

² Barbera, Manzella e altri «La forma di governo nel periodo di transizione» in Quaderni costituzionali n.2, 1995.

³ Di Giovine A. «Note sulla legge costituzionale n. 1/1997» in Quaderni costituzionali n. 3, 1997.

⁴ Legge costituzionale n. 1/1997 del 24.1.1997 (G.U. n. 22 del 28.1.1997) «Istituzione di una Commissione parlamentare per le riforme costituzionali: «Progetto di legge costituzionale sugli emendamenti alla Costituzione» (versione del 4 novembre 1997).

⁵ Конституция Италии от 22 декабря 1947 года (с изм. И доп.) // www. <http://italia.ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki>

⁶ Конституция России от 12 декабря 1993 года (с изм. И доп.) // СПС Гарант.

⁷ Конституция Италии от 22 декабря 1947 года (с изм. И доп.) // www. <http://italia.ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki>

⁸ Анджела Ди Грегорио «Конституционные реформы в Италии: продолжение дебатов» // ПРАВО И ПОЛИТИКА. – 2000. – 31. - С.41-49.

Список литературы

1. Анджела Ди Грегорио «Конституционные реформы в Италии: продолжение дебатов» // ПРАВО И ПОЛИТИКА. – 2000. – 31. - С.41-49.
2. Amato, Barbera «Manuale di diritto pubblico», Bologna, 1997. 3.
3. Barbera, Manzella e altri «La forma di governo nel periodo di transizione» in Quaderni costituzionali n.2, 1995.
4. Di Giovine A. «Note sulla legge costituzionale n. 1/1997» in Quaderni costituzionali n. 3, 1997.
5. Конституция Италии от 22 декабря 1947 года (с изм. И доп.) // www. <http://italia.ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki>
6. Конституция России от 12 декабря 1993 года (с изм. И доп.) // СПС Гарант.
7. Legge costituzionale n. 1/1997 del 24.1.1997 (G.U. n. 22 del 28.1.1997) «Istituzione di una Commissione parlamentare per le riforme costituzionali: «Progetto di legge costituzionale sugli emendamenti alla Costituzione» (versione del 4 novembre 1997).

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ УСЛУГИ

1 Алексеева Е. В., 2 Алексеев Д.Н.

(1 доцент кафедры предпринимательского права, кандидат юридических наук; 2 магистрант 2 курса)

1 Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 2 Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Аннотация: Статья посвящена проблемам понимания сущности и правовой природы такой категории, как «юридическая услуга», а также особенностям и признакам, отличающим юридические услуги от остальных объектов гражданского оборота. В статье рассмотрены понятие юридической услуги с позиции

цивилистической доктрины, гражданского законодательства и судебной практики, требования к их осуществлению.

Ключевые слова: услуги, юридическая услуга, правовая природа, объекты гражданских прав, признаки юридической услуги.

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF LEGAL SERVICES

Alexeeva E.V., Alekseev D.N.

1 Assistant Professor of the Entrepreneurial Law Department of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences
2 Master of 2 course Leningrad State University named after A.S. Pushkin

Abstract: The article is devoted to problems of understanding the essence and legal nature of such a category as "legal service", as well as features and characteristics that distinguish legal services from other objects of civil circulation. The article deals with the concept of legal service from the standpoint of civil doctrine, civil legislation and judicial practice, requirements for their implementation.

Key words: services, legal service, legal nature, objects of civil rights, signs of legal service.

Термин «услуга» широко употребляется в юридической литературе, исследованием указанного института активно занимались еще советские правоведы: А.Е. Шерстобитов¹, А.Ю. Кабалкин², М.В. Кротов³ и др. В постсоветский период эта проблематика также привлекала исследователей⁴.

В действующем гражданском законодательстве дефиниция услуги отсутствует, а само понятие услуги рассматривается в различных юридических смыслах. Если обратиться к сути ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее – ГК РФ), то становится понятно, что под услугой понимается совершение определенных действий или деятельности.

Отечественные цивилисты, характеризуя сущность такого явления, как услуга, акцент делают на наличие полезного эффекта от действий исполнителя услуги, а также на отсутствие овеществленного результата действий исполнителя, но это не означает что действия исполнителя не способны вообще приводить к какому-либо результату⁶.

Указанная юридическая позиция была сформирована еще основоположниками советской цивилистики (О.С. Иоффе⁷, И.Л. Брауде⁸ и др.), которые отделяя обязательства по оказанию услуг и по производству работ, подчеркивали критерий в виде наличия или отсутствия материального результата произведенной исполнителем деятельности, и поддерживалась в работах современных исследователей.

На наш взгляд, правы авторы, определяющие понятие услуг выделением признаков, характеризующих услуги, как объект гражданских прав.

Например, О.Н. Садиков указывает, что услуги – это действия или деятельность, имеющие преимущественно нематериальный результат, неотделимость результата от самого действия или деятельности, осуществимость на основе заказа⁹.

О.М. Шуковская определяет услугу как «вид блага, служащий средством

¹ Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере обслуживания. – М., издательство МГУ, 1987.

² Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовой договор в сфере обслуживания. – М., 1980.

³ Кротов М.В. Обязательство услуг в советском гражданском праве. – Л., 1990.

⁴ См., например, Баринов Н.А. Услуги (социально-правовой аспект): Монография. – Саратов, издательство «Стиль», 2001.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 28.03.2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.01.1996 г., № 5, ст. 410.

⁶ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010. С. 472.

⁷ Иоффе О.С. Отдельные виды обязательств. – Л., издательство ЛГУ, 1961. С. 258.

⁸ Брауде И.Л. Отдельные виды обязательств. – М., Госюриздат, 1954. С. 221.

⁹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. С. 363.

удовлетворения потребностей за счет осуществления деятельности (посредством совершения действий) одним субъектом, в полезных свойствах которой и состоит субъективный интерес другого субъекта и на которую у последнего возникает право требования»¹⁰.

А.А. Павлов видит в качестве ключевого признака услуги отсутствие овеществленного (материального) результата, при этом услуга обладает такими свойствами, как синхронность оказания и получения услуги (оказание услуги исполнителем и ее получение заказчиком происходят одновременно) и несохраняемость услуги (заказчик не может потребить услугу до ее оказания, равно как исполнитель не может «накапливать» услуги (свойство)¹¹.

Отдельного внимания заслуживает позиция зарубежных ученых, согласно которой услуги (в отличие от вещей) обладают способностью изменять физическое и правовое состояние как ее потребителя, так и предметов материального мира, при этом удовлетворяя потребность их потребителей опосредованно – благодаря им приобретаются материальные и нематериальные блага¹². В таком контексте прослеживается «присвоенческий» аспект, который роднит услугу с остальными объектами материального мира, которые могут присваиваться отдельными лицами и пребывать в сфере их господства, выраженного тем или иным вещным правом.

Согласимся с мнением Д.И. Степанова, который полагает, что характеризовать услуги можно только в связи с обязательствами по их оказанию, т.е. услуги не могут существовать так же, как объекты материального мира, поэтому услуги относятся к объектам гражданских прав лишь как объекты обязательственных правоотношений¹³.

Таким образом, под услугой можно рассматривать объект гражданского права, выражающийся в виде действия или деятельности одного лица - услугодателя, оказывающее необратимый материальный или нематериальный положительный эффект на имущественную или личностную сферу другого лица – услугополучателя и нацеленное на удовлетворение определенных потребностей услугополучателя. Отталкиваясь от обозначенного определения, попытаемся установить правовую природу юридической услуги.

Во-первых, юридические услуги всегда являются результатом действий или деятельности лиц, обладающих специальными познаниями в области юриспруденции. В частности, в качестве услугодателей (исполнителей услуги) выступают адвокаты, принявшие на себя обязанность (в обязательном порядке, т.е. в качестве публично возложенной обязанности или добровольно, т.е. в режиме особой экономической деятельности)¹⁴; иные практикующие юристы, опосредующие оказание юридических услуг специальным возмездным договором; работники юридических служб юридических лиц, нотариусы, которые на профессиональной основе обеспечивают защиту прав и законных интересов субъектов гражданского права путем совершения нотариальных действий, а также оказания им услуг правового и технического характера¹⁵, патентные поверенные¹⁶.

В научной литературе справедливо отмечается, что на сегодняшний день юридические услуги гражданам также могут оказывать «лица, не имеющие юридического образования, поскольку для осуществления представительства в суде по гражданским делам требуется только надлежащим образом оформленная (нотариальная) доверенность и паспорт представителя. Каких-либо требований в отношении образования или соответствующего опыта работы для допуска к участию в деле в качестве представителя

¹⁰ Щуковская О.М. Правовое регулирование деятельности по оказанию правовых услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. С. 6.

¹¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010. С. 472.

¹² См. подробнее: Никифорова Н.В. Услуги в системе мировой торговли // Научно-аналитический обзор. Серия «Международные отношения» - М., 1990. С. 9.

¹³ Степанов Д.И. Обязательство по оказанию услуг и его объект // Хозяйство и право. 2004. № 5. С. 45. (Приложение).

¹⁴ См. подробнее положения Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.06.2002 г., № 23, ст. 2102.

¹⁵ См. ст. 1, 2, 22, 103.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1 (в ред. от 03.07.2016 г.)) // Российская газета, № 49, 13.03.1993 г.

¹⁶ См. ст. 3, 4. Федерального закона от 30.12.2008 г. № 316-ФЗ (в ред. от 02.07.2013 г.) «О патентных поверенных» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.01.2009 г., № 1, ст. 24.

истца или ответчика в законодательстве нет»¹⁷. Вместе с тем, при работе по некоторым категориям дел или в некоторых судах могут быть установлены иные правила. Так, на ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹⁸ представителями сторон могут быть адвокаты или лица, имеющие ученую степень по юридической специальности.

Тем не менее, в России юридические услуги не подлежат лицензированию, и никаких требований к лицам, оказывающим юридические услуги гражданам, законодательство не содержит. Конечно, такое положение дел отрицательно сказывается на качестве услуг и требует правовой регламентации, однако само оказание юридических услуг в целом все-таки нельзя квалифицировать как результат исключительно профессиональных действий или профессиональной деятельности услугодателей.

Следует учитывать такую важную характеристику юридической услуги, как личное ее оказание, т.е. «своими силами и средствами, своим участием без привлечения посторонних лиц. Это может быть связано с личностью исполнителя, его опытом, профессиональными знаниями, а также с доверительным отношением к нему заказчика»¹⁹. На практике в связи с оказанием услуг возникал вопрос о доказуемости факта личного оказания услуг, в особенности если не было договора в письменной форме между заказчиком и исполнителем. Анализ материалов судебной практики демонстрирует, что суды, рассматривая дела по искам о взыскании задолженности за оказанные юридические услуги, придерживаются позиции, что действия по выдаче доверенностей и представление работниками юридической фирм интересов услугополучателей в судах свидетельствуют о наличии между сторонами отношений по договору возмездного оказания услуг, а факт оказания услуг подтверждается материалами дела²⁰.

Во-вторых, юридические услуги имеют специфическую целевую направленность, характеризующуюся необходимостью достижения особого нематериального положительного эффекта, который выражается в получении нужной для участника имущественного оборота правовой информации в виде консультации (т.е. сведений о правилах, порядке, возможностях и пр. реализации собственных прав, удовлетворении законных интересов или надлежащем выполнении возложенных обязанностей), либо приобретении устойчивости собственного правового положения (возникающем, например, при оформлении юридически значимых сообщений²¹, придании документам требуемой законом или договором юридической силы, правовой защиты услугополучателя (клиента, заказчика) в судах, порой осуществляемой даже без присутствия самого услугополучателя) и пр.

В юридической литературе встречается мнение, согласно которому под юридическими услугами нередко понимают действия носящие «лишь характер вспомогательный по отношению к действиям юридическим. Примерами таких услуг могут служить письменные консультации и разъяснения по правовым вопросам, составление проектов документов юридического характера»²². Такой вывод был сделан М.И. Брагинским и В.В. Витрянским на основе анализа Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 29 сентября 1999 г. «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг»²³.

Данное утверждение представляется спорным, поскольку в анализируемом письме ВАС РФ не рассматривает действия фактического характера вспомогательными по отношению к юридическим

¹⁷ Васильева О.В. Защита прав потребителей юридических услуг // Юрист. 2013. № 10. С. 32.

¹⁸ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.07.1994 г., № 13, ст. 1447.

¹⁹ Комментарий к ГК РФ. Часть вторая от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (постатейный). Комментарий подготовлен авторским коллективом: Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Барышев С.А., Вахрушева Ю.Н., Долотина Р.Р., Елизарова Н.В., Закиров Р.Ю., Захарова Н.А., Иванишин П.З., Морозов С.Ю., Михалева Т.Н. // Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2014

²⁰ См, к примеру: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.11.2000 г. № А56-16886/2000, Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.06.2007 по делу N А31-4692/2006-14; Постановление ФАС Уральского округа от 05.05.2008 N Ф09-3054/08-С5 по делу № А76-13013/2007-16-555 // Материалы судебной практики были взяты из системы Консультант Плюс.

²¹ Лазаренкова О.Г., Алексеева Е.В. О возможности применения гражданско-правовых норм о юридически значимых сообщениях в процессуальной деятельности суда // Российский судья. 2016. № 5. С. 18-21.

²² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. М.: Статут, 2002. Кн. 3. С. 243.

²³ Вестник ВАС РФ, № 11, 1999.

действия. ВАС РФ ограничивается перечислением тех действий, которые осуществляются на основании договора возмездного оказания юридических услуг.

В подтверждение сказанного можно сослаться на Предварительную классификацию основных продуктов (Provisional Central Product Classification), утвержденную Статистической комиссией ООН на ее 25-й сессии в феврале 1989 г. и необходимую для применения в связи с вступлением России в ВТО, согласно которой к видам юридических услуг относятся:

- услуги по юридическим консультациям и представительству в связи с уголовным правом;
- услуги по юридическим консультациям и представительству в судебных процедурах в связи с другими областями права;
- услуги по юридическим консультациям и представительству в предусмотренных законом процедурах квазисудебных трибуналов, коллегий и т.п.;
- услуги по составлению юридической документации и удостоверению документов;
- прочие услуги по юридическим консультациям и предоставлению информации²⁴.

В-третьих, поскольку речь идет о возмездном характере услуги, услугополучатель приобретает то благо, о котором речь шла выше. Тем самым, речь идет о том самом положительном эффекте, которого вправе требовать услугополучатель, но достижение которого не всегда возможно, а поэтому не может быть абсолютно гарантировано услугодателем. Однако главным здесь является то, что у услугополучателя всегда возникает право требования на действия, которые и выражают саму юридическую услугу. Представляется интересным, что некоторые ученые, рассматривая услугу с позиций собственности, утверждают, что «при полном отсутствии вещи (как объекта приложения действий) в услуге есть место присвоению (а значит и обращение в собственность)».²⁵ А значит тот самый полезный эффект от юридической услуги подлежит не только возможности его истребования, но также обмену и потреблению. Следовательно, результат юридической услуги – это специфический продукт, который вкрапляется в имущественный оборот, имеет стоимостно-оценочный характер.

Охарактеризовав правовую природу юридической услуги, можно дать ее определение: это особый объект гражданских прав, представляющий собой совокупность личных действий либо лично осуществляемая деятельность услугодателя, реализуемая им на возмездной основе и обладающего специфическими (в области права, юриспруденции) познаниями, навыками, умениями и т.п., нацеленная на защиту прав и законных интересов субъекта имущественного оборота – услугополучателя, и в результате произведения указанных действий услугополучатель приобретает особое благо (необходимую для реализации собственной правосубъектности информацию, устойчивость собственного правового статуса и т.п.).

Список литературы

1. Баринов Н.А. Услуги (социально-правовой аспект): Монография. – Саратов, издательство «Стиль», 2001.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. М.: Статут, 2002. Кн. 3. Брауде И.Л. Отдельные виды обязательств. – М., Госюриздат, 1954.
3. Васильева О.В. Защита прав потребителей юридических услуг // Юрист. 2013. № 10.
4. Иоффе О.С. Отдельные виды обязательств. - Л., издательство ЛГУ, 1961.
5. Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовой договор в сфере обслуживания. – М., 1980.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005.
8. Комментарий к ГК РФ. Часть вторая от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (постатейный). Комментарий подготовлен авторским коллективом: Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Барышев С.А., Вахрушева Ю.Н., Долотина Р.Р., Елизарова Н.В., Закиров Р.Ю., Захарова Н.А.,

²⁴ См. подробнее: Муранов А.И. Чем рискует Россия? Краткое изложение сути обязательств России перед ВТО в отношении сферы юридических услуг. Критика таких обязательств // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2012. № 1. С. 91 - 108.

²⁵ См., подробнее Щуковская О.М. Указ. соч. С. 16.

- Иванишин П.З., Морозов С.Ю., Михалева Т.Н. // Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2017.
9. Кротов М.В. Обязательство услуг в советском гражданском праве. – Л., 1990.
 10. Лазаренкова О.Г., Алексеева Е.В. О возможности применения гражданско-правовых норм о юридически значимых сообщениях в процессуальной деятельности суда // Российский судья. 2016. № 5. С. 18-21.
 11. Муранов А.И. Чем рискует Россия? Краткое изложение сути обязательств России перед ВТО в отношении сферы юридических услуг. Критика таких обязательств // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2012. № 1. С. 91 - 108.
 12. Степанов Д.И. Обязательство по оказанию услуг и его объект // Хозяйство и право. 2004. № 5. (Приложение).
 13. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере обслуживания. – М., издательство МГУ, 1987.
 14. Щуковская О.М. Правовое регулирование деятельности по оказанию правовых услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аниксенко Г.С.

Российская таможенная академия Владивостокский филиал, г. Владивосток

В настоящее время для становления и развития корпоративной формы предпринимательства в России характерно такое явление социальной действительности, как корпоративный захват, несущее в себе отрицательное содержание. Следует отменить популярность обращения к корпоративному захвату как методу перераспределения и установления корпоративного контроля в нашем сообществе. Указанные обстоятельства выступают причинами в том числе наступления негативных последствий для экономики и государства в целом, так как проведение корпоративных захватов способствует дестабилизации отношений принадлежности корпоративного контроля как блага лицам, его осуществляющим на законных основаниях, а также самого гражданского оборота в России [2].

В целях борьбы с указанным явлением, профессиональными юристами применяются следующие способы защиты права: признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности; признание права; признание недействительными корпоративных решений; перевод прав и обязанностей по договору купли – продажи при нарушении преимущественного права покупки; признание недействительными решений налоговых органов и записей в ЕГРЮЛ; признание недействительной реорганизации или ликвидации юридического лица [4].

Кроме того, на практике все чаще фиксируются случаи, когда посредством ни одного из представленных способов невозможно надлежащим образом восстановить нарушенное право, тем более право корпоративного контроля. В этой связи, законодателем в Постановлении Президиума ВАС РФ от 03.06.2008 № 1176/08 по делу А14-14857/2004 был изложен новый механизм защиты, а именно – восстановление корпоративного контроля. В последующем, данный механизм был закреплен на законодательном уровне (п.17. ст. 21 Закона об ООО) [3].

Таким образом, наблюдается ситуация, когда законодатель развивает положения о защите уже нарушенных прав, но в тоже время не работает над дальнейшей регламентацией самого понятия корпоративного контроля и «прозрачности отношений» с ним связанных. В данном случае, речь идет об отсутствии комплексного, концентрированного в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее ГК РФ) свода норм регулирующих отношений связанных с корпоративным контролем.

Например, такими авторами как Могилевский С.Д., Егорова М.А. предпринимается попытка применить нормы Закона о защите конкуренции (далее ЗоЗК) к корпоративному контролю. По мнению авторов, ч.8 ст. 11 ЗоЗК, устанавливает критерии контроля. В тоже время авторы уточняют, что данные положения относятся к правовому режиму картельных соглашений, но это совершенно не означает, что они не могут быть применены в разрешении споров в связи с установлением корпоративного контроля в качестве общего правила гражданского законодательства [5].

Предполагается, что указанное положение может быть применимо к отношениям связанным с корпоративным контролем. В тоже время, необходимо обратить внимание, что положение ч.8 ст. 11 ЗоЗК регламентирует отношения относящиеся к внешнему корпоративному контролю, а именно юридическое лицо – юридическое лицо, также если по аналогии проработать все нормы ЗоЗК на предмет применимости к отношениям связанным с корпоративным контролем, как это и делают авторы в своей работе, то мы увидим, что все положения указанные в ЗоЗК касаются внешнего корпоративного контроля.

В данном свете необходима ранее предусмотренная проектом федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», но не принятая ст. 53.3 ГК РФ.

В запланированном законодателем виде, данная статья регламентировала отношения связанные с внешним корпоративным контролем на уровне с ЗоЗК, но имела более проработанный вид. Если быть точнее, то в ст. 53.3 ГК РФ законодатель определил состав правоотношения по корпоративному контролю, а именно установил круг субъектов способных осуществлять контроль над обществом, сформулировал объект указанного правоотношения, а также предусмотрел открытый перечень оснований корпоративного контроля в виде положительных презумпций, при наличии которых субъект правоотношения мог быть признан в качестве контролирующего лица [1]. Даже при наличии практически аналогичных норм в ЗоЗК, ее введение упростило бы процесс установления контролирующего лица и квалификации его действий, так как таким образом получило бы развитие, введенное в ГК РФ понятие аффилированности.

Таким образом, в настоящий момент законодателем в п.17. ст. 21 Закона об ООО закреплена сам механизм восстановления корпоративного контроля, однако он детально не раскрыт, что порождает множество проблем в процессе его практической реализации. В тоже время, вопрос о регламентации отношений по внутреннему корпоративному контролю остается незатронутым, что наводит на мысль о необходимости введения аналогичной по содержанию ст. 53.3 ГК РФ статьи регламентирующей те же вопросы, но по отношению к внутреннему корпоративному контролю, поскольку на практике споры связанные с внутренними корпоративными конфликтами, а следовательно и недобросовестное поведение участников обществ встречается гораздо чаще.

По нашему мнению введение в ГК РФ ст. 53.3, а также иных норм посредством которых станет возможным более эффективно реализовывать механизм восстановления корпоративного контроля, способствует органичному развитию главы ГК РФ о юридических лицах, устранит сомнения о возможности применения тех или иных правовых актов к возникающим на практике вопросам по восстановлению корпоративного контроля как внутреннего так и внешнего, а также даст начало комплексной регламентации защиты такого права, как право контроля над юридическим лицом, которое многими авторами выделяется как самостоятельное и, как правило, более ценное чем иные права участников юридических лиц.

Подводя итог, можно сделать вывод, что поиск новых способов защиты не всегда наилучший вариант защиты нарушенных прав, необходимо стремиться к развитию положений носящих превентивный характер, которые будут способствовать прозрачности отношений в корпорациях, а также придавать уверенность инвесторам, что их нарушенное право будет восстановлено, что возможно только посредством четко регламентированного законодательства как в части регулирования действующих отношений, так и их защиты в результате нарушения.

Список литературы

1. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 27 апреля 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Валеева А.А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // «Юрист». 2015, № 14.
3. Гербутов В.С. к вопросу о предмете иска и восстановлении корпоративного контроля // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2015. № 12.
4. Михальчук Ю. Восстановление прав на долю в ООО // «ЭЖ-Юрист». 2016, № 11.
5. Могилевский С.Д., Егорова М.А. Правовые основания для развития положений о корпоративном контроле в гражданском законодательстве // «Сборник научных статей третьей Международно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». 2016.

КРИТЕРИИ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ)

Егорова А. И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В современном обществе фотографические произведения занимают особое место среди объектов права интеллектуальной собственности. Вместе с тем, в течение длительного времени вопрос об их статусе был предметом ожесточенной полемики среди ученых-цивилистов и специалистов в области права интеллектуальной собственности как российского пространства (Продан Ю. Н., Голощапов А.М., Довгалоук А. В.), так и зарубежного (Липчик Делия, Графова Жанна). Но именно такая дискуссия, с точки зрения французского исследователя Липчик Делии, обусловила выделение фотоизображения в качестве самостоятельного произведения и способствовала его закреплению в нормах авторского права [3, С. 73-74].

Важно отметить, что именно с помощью таких относительно новых, обособленных объектов авторского права осуществляется отображение и сохранение определенной информации из окружающего нас мира – это и рекламная деятельность хозяйствующих субъектов, и деятельность средств массовой информации, в частности, в сети Интернет, где фотоизображение зачастую является примером иллюстрации текстового материала. А это, в свою очередь, нередко обуславливает рост спорных ситуаций, в последствии и судебных споров, связанных с размещением фотоизображений в Интернете и нарушением прав автора. Так, в арбитражных судах Российской Федерации (далее – РФ) за 3 месяца, с 01.01.2017 по 01.04.2017 года, было вынесено 31 определение и 51 решение относительно неправомерного размещения фотографических произведений на различных Интернет-ресурсах лицами, не обладающими исключительными правами на них [2].

Сегодня арбитражные суды в РФ исходят из презумпции творческого характера любой фотографии. В то же время, признать фотографическое произведение результатом интеллектуальной деятельности не всегда просто, так как и в практике, и в теории все фотографии принято делить на две категории: творческие и не творческие (или «технические»), а критерии их охраноспособности не определены в действующих правовых актах РФ.

Поэтому, автор данной работы ставит своей целью выявить и изучить критерии охраноспособности фотографических произведений в законодательстве РФ, раскрыть их содержание, а также на основе сравнительного анализа нормативных положений Закона о защите авторских прав и смежных прав Германии (далее – Закон Германии) и Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), произвести рецепцию зарубежных правовых норм (положительного опыта) в национальном законодательстве РФ.

Так, Законодатель в п. 1 ст. 1259 ГК РФ все фотографические произведения и произведения, полученные путем, аналогичным фотографии, относит к объектам авторского права. Такой же концепции придерживается законодательство Германии, где наименование групп защищаемых объектов фотографического искусства, обозначенных в вышеназванной статье ГК РФ, абсолютно совпадает [4, абз.5 п.1 §2]. Однако, наряду с этим, Закон Германии об авторском праве и смежных правах различает два вида фотографий: фотоработы (или фотографические произведения) и фотографии (§ 2 п. 5; разд. 2 § 72). Между тем, ни в российском, ни в немецком законодательстве сами понятия «фотографические произведения», «произведения, полученные путем, аналогичными фотографии», «фотографии» не закрепляются, а их толкование основывается на критериях охраноспособности таких произведений. И если немецкое законодательство в этом отношении достаточно четко и обоснованно выделяет две группы фотоизображений, то действия российского Законодателя требуют дополнительной аргументации.

Автор акцентирует внимание и на то, что в ГК РФ, в отличие от Закона Германии, не четко выделены критерии охраноспособности объектов авторского права. Определить их можно только из анализа общих положений ГК РФ о результатах интеллектуальной деятельности (статья 1228 ГК РФ) и специальных норм (статья 1257 ГК РФ, п. 3 ст. 1259 ГК РФ). То есть, на основании проведенного анализа, мы можем выделить два признака: объективную форму выражения и творческий характер фотоизображения.

Безусловно, практически во всех зарубежных странах существует требование об объективной форме выражения фотографических произведений, то есть доступной для восприятия другими лицами (помимо автора). И хотя законодательно оно закреплено лишь в Законе об авторском праве США, без него результат

деятельности автора не сможет стать объектом авторского права в РФ. Кроме того, объективная форма выражения в виде данных, содержащихся на материальных носителях, не исключает возможности их же потери при размещении фотоизображений в сети Интернет. Так, например, в Германии технические характеристики фотографии не могут служить достаточными доказательствами факта авторства, поскольку считается, что такие данные легко изменить с помощью специальных программ [1].

Современное развитие технологий предоставило очень широкие возможности для создания фотографических произведений и, вместе с тем, серьезно усложнило возможность определения творческого характера их создания. Процесс создания любой фотографии опосредован через технические средства, и, таким образом – баланс между творческой составляющей и действием техники – сложно строго установить.

Так, если в решении от 10.03.2017 арбитражного суда Самарской области по делу №А55-26457/2016 творческий характер фотографии презюмируется: «процесс создания любой фотографии является творческой деятельностью», то в Постановлении ФАС Московского округа от 12.03.2013 по делу №А40-26575/12-51-202 суд признает фотографии не творческими, обосновывая это тем, что «содержание фотографических произведений является беспристрастным описанием фактов, не содержит элементов творчества, содержит исключительно информацию только о событиях и фактах, являясь по сути отчетом фоторепортера, они не содержат именно результатов творческой деятельности». Такая сомнительная и нечеткая аргументация суда, по нашему мнению, является оценочной категорией, она лишена объективных критериев и, в данном случае, признать фотографические произведения не творческой деятельностью не представляется возможным, ведь те многочисленные действия лица по созданию «отчета фоторепортера» уже являются результатом интеллектуальной и творческой деятельности.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что российский суд, на данном этапе развития, не способен определить «творческий характер» произведения ввиду отсутствия его регламентации Законодателем в нормах правовых актов, что ставит под угрозу законность и обоснованность самого судебного решения. Единственным документом, где в наиболее полной форме раскрывается содержание «творческой деятельности фотографа», является Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу А24-1669/2013. Под творческой деятельностью фотографа суд понимает многочисленные действия фотографа по созданию результата интеллектуальной деятельности: выбор экспозиции, размещение объекта фотоснимка в пространстве, выбор собственной позиции, установка света, настройка диафрагмы, настройка резкости кадра, обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ и другие.

В свою очередь, именно личное интеллектуальное творчество, а также, наряду с ним, особенности фотоработы при её создании являются основными критериями отнесения фотографии к фотографическому произведению в Германии. Сюда же включается использование фильтров, объективов, ретуширование, фотомонтаж, коллаж, а также передача эмоций и настроения. То есть такая фоторабота - продуманное произведение автора и включает такие критерии как «оригинальность», «художественный замысел», «уникальность».

Из этого следует, что признак «творчества» по своей сути включает критерий «оригинальности» фотографии как совокупности способностей автора, навыков, знаний, отраженных в объективной форме произведения. Интересно то, что даже в Бернской конвенции от 9 сентября 1886 года (далее – Конвенция) «оригинальность» прямо не упоминается. Конвенция оставляет данное понятие на национальное рассмотрение, поэтому в разных странах его определение и степень требуемой оригинальности различны. В РФ, например, пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», прямо указывает на то, что такого критерия может и не быть: «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права». Новизна, как критерий, подразумевает, что «никто никогда до того не создавал ничего подобного» [5], что в отношении фотоизображений практически не реально. Например, фотографии, на которых запечатлены известные памятники или они сделаны в картинной галерее уже, по сути, не обладают критерием «новизны».

Очевидно, что сложность данного института авторского права требует специфического правового регулирования и так как в ходе проведения исследования была выявлена необходимость сближения нормативно-правовых положений России и Германии, мы предлагаем применить немецкий опыт и на его основе реформировать институт авторского права в отношении фотографических произведений в РФ. Так, с

целью дальнейшего совершенствования законодательства, разгрузки судебной системы и обеспечения прав граждан, прежде всего, авторских прав, необходимо всякое созданное автором фотоизображение относить к объектам авторского права. Для этого мы предлагаем упразднить презумпцию творческого характера любой фотографии, а сами фотоизображения разделить на 2 группы: фотографические произведения (критериями охраноспособности будут являться «творческий характер» и «оригинальность») и фотографии.

Так, мы предлагаем внести следующие изменения и дополнения в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации:

1. В статье 1228 ГК РФ:

пункт 1 дополнить подпунктом 1 следующего содержания: «Автором результата интеллектуальной деятельности в отношении фотографических произведений и фотографий признается гражданин, творческим и (или) иным трудом которого создан такой результат»;

2. В статье 1257 ГК РФ:

абзац 1 дополнить абзацем 2 следующего содержания: «Автором фотографического произведения и фотографий признается гражданин, творческим и (или) иным трудом которого они созданы»;

3. В статье 1259 ГК РФ:

пункт 1 после слов «аналогичными фотографии» дополнить словами «и фотографии».

Список литературы

1. Internet-Zeitschrift für Rechtsinformatik und Informationsrecht [Электронный ресурс] // Решение суда Мюнхена от 21.05.2008 г. URL: <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20080095> (дата обращения: 03.04.2017)
2. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. М., 2012-2017. URL: <http://sudact.ru/arbitral/> (дата обращения: 02.04.2017).
3. Липщик Д. Авторское право и смежные права / Д. Липщик. - Ладомир, Издательство ЮНЕСКО, 2002. – 794 с.
4. Сервис Федерального Министерства юстиции и защиты прав потребителей Германии [Электронный ресурс] // Закон об авторском праве и смежных правах Германии URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/urhg/gesamt.pdf> (дата обращения: 03.04.2017)
5. Судебный эксперт [Электронный ресурс] // Выявление признаков авторского произведения (новизна, оригинальность, творческий характер) URL: <http://sudexpa.ru/expertises/vyjavlenie-priznakov-avtorskogo-proizvedeniia-novizna-originalnost-tvorcheskii-harakter/> (дата обращения: 08.04.2017)

ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФИКТИВНОГО И ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

Лазарева Н.А.

Северо-Кавказский федеральный университет
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске

Отношения, возникающие в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) должника требуют, как правило, комплексного исследования. В российской правовой системе достаточное внимание уделяется основным понятиям института несостоятельности, субъектному составу отношений, отдельным вопросам процессуального характера, положениям, касающимся процедур банкротства, особенностям несостоятельности специальных субъектов и др.

Расширение практики применения фиктивного банкротства в отношении юридических лиц стало происходить начиная с 1999 года. За этот период механизмы банкротства критикуются не только правоведами, но и экономистами и добросовестными предпринимателями по причине их «прокредиторской направленности», коррупционности, медлительности [5]. Практике известны случаи недобросовестных «заказных» банкротств, на которые приходится значительная доля судебных дел о несостоятельности в России. В большинстве случаев это: интерес в получении денег; заинтересованность в смене собственника предприятия.

Процедура конкурсного производства, доминирующая на практике, зачастую используется не для обеспечения соразмерного удовлетворения требований кредиторов, а для раздела имущества (по существу – хищения) путем его распродажи по заниженным ценам. Поэтому для защиты интересов кредиторов особое значение приобретает своевременное выявление признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. Проверка наличия таких признаков осуществляется по решению арбитражного суда на основании ходатайства лиц, участвующих в деле о банкротстве (п. 3 ст. 50 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О несостоятельности (банкротстве)» [1]. Ответственность за достоверность сведений о фактах обнаружения признаков фиктивного и преднамеренного банкротства несет арбитражный управляющий (п. 4 ст. 24 ФЗ № 127). Понятия фиктивного и преднамеренного банкротства, а также правовые последствия для должностных лиц в этих случаях содержатся в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [2] и Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [3]:

Преднамеренное банкротство – это совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и(или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, и если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб (ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство»).

Фиктивное банкротство, то есть заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб (ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство»).

Крупным признается ущерб в сумме, превышающей 1500 тыс. рублей, особо крупным – 6 млн. рублей (прим. к ст. 169 УК РФ).

В отношении фиктивного и преднамеренного банкротства в статье 14.12 КоАП РФ «Фиктивное или преднамеренное банкротство» указано следующее:

1. Фиктивное банкротство, то есть заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица или индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния.

2. Преднамеренное банкротство, то есть совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и(или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемых деяний.

Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855; далее – Временные правила) [4] раскрывают методiku выявления признаков таких банкротств. Временными правилами делается акцент на анализе финансовых коэффициентов по данным бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах должника. В частности, первым признаком преднамеренного и фиктивного банкротства, который обуславливает необходимость дальнейшего исследования, является резкое ухудшение двух или более аналитических коэффициентов (табл.1).

Таблица 1 – Наличие признаков фиктивного, преднамеренного банкротства
(на примере ООО «ТриАнСтрой»)

Наименование показателя	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	Средний темп изменения
1. Коэффициент абсолютной ликвидности	0,0528	0,0963	0,0641	
2. Коэффициент абсолютной ликвидности	x	8239%	-3343%	2448%
3. Коэффициент текущей ликвидности	043	0852	0,555	
4. Темп изменения коэффициента текущей ликвидности	x	98,14%	-34,85%	31,65%
5. Показатель обеспеченности обязательств должника его активами	14,384	16,787	11,207	

6. Темп изменения показателя обеспеченности обязательств должника его активами	x	16,71%	-33,24%	-8,26%
7. Платежеспособность по текущим обязательствам	1,026	1,018	1,353	
8. Темп изменения степени платежеспособности по текущим обязательствам	x	-0,78%	32,91%	16,06%
9. Существенное ухудшение значений (количество коэффициентов)		1	3	

В течение анализируемого периода имело место существенное ухудшение значений коэффициентов на 01.01.2017 (3 коэф.). Арбитражному управляющему необходимо провести анализ сделок ООО «ТриАнСтрой» и действий его органов управления за соответствующие периоды своей деятельности в которых наблюдалось данное существенное ухудшение показателей.

Согласно п. 11 Временных правил выявления признаков фиктивного банкротства необходимо производить, когда дело о банкротстве возбуждено по заявлению должника. Практика показывает, что нередко имеет место сговор должника и отдельных кредиторов, поэтому целесообразно не ограничивать случаи проведения такого исследования в зависимости от инициатора дела. К тому же при фиктивном банкротстве осмотрительный должник может создать «фирму-кредитора» со значительной суммой долга.

При банкротстве предусмотрены меры административной, материальной и уголовной ответственности (Ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве»). В соответствии с этой статьей существуют следующие меры ответственности (табл. 2).

Таблица 2. – Неправомерные действия и меры ответственности при банкротстве

Виды неправомерных действий при банкротстве	Дисциплинарная ответственность	Административная, материальная ответственность	Уголовная ответственность
1. Скрытие имущества, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов	Не предусмотрена	штраф в размере от 100 тысяч до пятисот тысяч рублей или в заработной платы или иного размере дохода осужденного за период от одного года до 3 лет	- ограничение свободы на срок до двух лет, - принудительные работы на срок до трех лет, - арест на срок до шести месяцев, - лишение свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до 200 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период до 18 мес. либо без такового.
2. Неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника	Не предусмотрена	штраф в размере до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет	- ограничение свободы до 1 года, - принудительные работы на срок до 1 года, - арест на срок до 4 месяцев, - лишение свободы на срок до 1 года со штрафом (до 80 тыс.руб. или в размере дохода до 6 мес.)
3. Незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего	Не предусмотрена	штраф в размере до 200 тыс. руб. (или доход осужденного за период до 18 месяцев)	- обязательные работы (480 часов), - исправительные работы до 2 лет, - принудительные работы до 3 лет, - арест на срок до 6 мес., - лишением свободы до 3 лет.

Отнесение того или иного признака к фиктивному или преднамеренному банкротству возможно с определенной долей условности. Они объединены наличием умышленных действий (бездействия) должностных лиц, поэтому необходимо ввести единое понятие – умышленное банкротство. Также, на наш взгляд, необходимо ввести понятие «дисциплинарной ответственности» и «дисквалификации» за умышленное банкротство хозяйствующих субъектов, определить виды наказания (замечание, выговор, увольнение, лишение права занимать соответствующую должность в течение ряда лет и т.д.).

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты РФ в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2017). <https://www.consultant.ru/html> © КонсультантПлюс, 2017.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.06.2017). <https://www.consultant.ru/html> © КонсультантПлюс, 2017.
4. Постановление Правительства РФ №855 от 26.12.2004 г. «Об утверждении временных правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».
5. [Матвеев Е.](http://territoriaprava.ru/topics/39514) Фиктивное и преднамеренное банкротство: признаки и способы осуществления. / <http://territoriaprava.ru/topics/39514>. Первый Пермский правовой портал. © 2011-2016.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Сусликова А.В.

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Изначально, вода выступает необходимым средством существования человека на Земле, что во все времена влекло особое внимание государства к регулированию водных отношений.

В Древнем Риме вода считалась одним из самых ходовых и недорогих товаров. Колодцы, каналы, акведуки и прочее строили в основной массе рабы, солдаты и представители низших классов, нанимаемые частными предпринимателями. Уже в Дигестах Юстиниана определяются ряд положений, затрагивающих порядок пользования реками и морями. Так, в п. 4 Титула VIII. «О делении вещей и их свойствах» было указано: «Никому не запрещается доступ на берег моря с целью рыбной ловли... Но почти все реки и гавани являются публичными» [2]. Далее, п. 5 закреплял положение, что «пользование берегами является публичным на основании права народов, равно как и пользование самой рекой... Но собственность принадлежит тем, чьи имения прилегают к реке; поэтому им принадлежат и деревья, растущие по берегам» [2]. Следует указать, что за земельными собственниками в Древнем Риме признавался комплекс прав в отношении подземных вод и несудоходных водотоков. При этом допускалось использование водных ресурсов, включая частные водотоки, третьими лицами.

Несомненным достижением Дигестов Юстиниана являлась их классификация, определение прав собственников берегов и выделение водных сервитутов. Правовой режим водных сервитутов в данном случае предполагал следующее правомочия: забор из соседнего участка воды, прогон к водопою скота, добычу на чужом участке песка и глины. Относительно особого вида сервитута - узуфрукта - И.Б. Новицкий указывалось, что «при высыхании пруда сервитутный пользователь терял право пользования его высохшим ложем. Иное нарушало бы условие узуфрукта - сохранение целостности самой субстанции, которой являлся водоем» [7, с. 103-106]. Римское право специфически отражало разделение благ на свободные и несвободные. Текущая вода и воздух (атмосфера) не находились частной собственности, выступая «общими всех вещами», пока не начались процессы «обособления»; налитая в бочку из реки вода уже представляла собой «обычный предмет частной собственности» [8, с. 113].

Дальнейшее развитие экономики связано с использованием воды для хозяйственных и ремесленных нужд и соответствующим развитием правового поля в Европейских государствах. В IX в. водяная мельница уже начинает распространяться на Западе, а процесс их интенсивного распространения относится к XI–XIV вв. (в частности в Англии в конце XI в. существовало 5624 мельницы [6, с. 102]. Вода обеспечивала явный прогресс в виде распространения мельниц и получивших развитие иных формах использования энергии воды: сукновальное дело, обработка конопли, дубление кожи, пивоварение и изготовление инструментов.

Регламентация водопользования в средневековой Европе, осуществляемая на государственном уровне, привела к распространению двух систем прав: рипарианской и апроприативной. В соответствии с рипарианской системой прав собственности (riparian rights, riparian law – юридическая доктрина

прибрежных прав – доктрина, устанавливающая право владельца прибрежного участка земли по использованию воды; при этом право по использованию воды не могло быть продано или переуступлено отдельно от сделки по отчуждению прав на соответствующий участок земли), возникшей в Англии, собственник земли, на которой находится водный объект (озеро, река и т. д.) может пользоваться этим объектом на равных основаниях с другими агентами.

Альтернативой рипарианской выступает апроприативная система прав (право владения, усвоения, приспособления, присвоения имущества), в которой право использования водного ресурса принадлежит тому, кто его открыл или начал использовать первым. Отличие от рипарианской доктрины заключается в том, что при данной системе прав пользователь получает обозначенное количество воды в свое исключительное распоряжение. Однако если обладатель права не использует ресурс в полном объеме или не пользуется ресурсом в течение какого-то времени, то он может быть лишен права на его эксплуатацию в будущем [12, с. 16-17].

Различные правовые аспекты водопользования нашли свое регулирование в возникших в то время сводах законов, среди которых особое место принадлежит «Саксонскому зеркалу» (XIII век), которое явилось первым крупным общественно-научным трактатом в Германии и первым научным сочинением, написанным светским, а не духовным лицом. В частности, в данном своде законов большое внимание уделялось защите интересов как государства в части оплаты водной пошлины (п. ст. 27 Второй книги), так и защите прав частных собственников (п. 1 ст. 28 Второй книги) [13]. В свою очередь п. 4 ст. 28 устанавливался режим общего водопользования: «Вода, имеющая течение, является общей для транспорта и для рыбной ловли». Статьей 56 регламентировались вопросы сооружения плотин (п.1), изменения русла реки (п.2) и возникновение островов (п.3).

Исходя из положений Муленского эдикта 1669 г. во Франции на все водотоки, каналы и реки, обладавшие возможностью судоходства, было объявлено право собственности короля. При этом существовало деление вод между владениями крупных дворян и королевским доменом, что явилось основанием для выделения публичных и частных водных объектов [11, с. 2-3].

Бурный рост промышленного производства в Европе в конце XVIII - начале XIX в. предопределил переход от доминирования земельной и иной природно-ресурсной собственности к приоритету собственности на сами предприятия [1, с. 275-278]. В этой связи происходит формирование законодательства, четко разграничившего частные и публичные водные объекты и по форме собственности, и по характеру их использования (например, Гражданский кодекс Наполеона 1804 г.).

Гражданский кодекс Франции обеспечил закрепление в собственности государства как судоходные, так и сплавные реки включая земельные участки, находящиеся под ними в границах наиболее широкого русла. В свою очередь Гражданским кодексом Италии 1865 г. государственными признавались все реки, за исключением искусственных каналов, находящихся в частной собственности. А речные акватории Австро-Венгрии являлись государственными исключительно в судоходной или сплавной части их течения [3, с. 8-12]. Нормы права, закрепленные в Германском Гражданском Уложении 1896 г. и Швейцарском гражданском кодексе 1907 г., накладывали ограничения на право собственника в пределах «рамок его интересов».

Как свидетельствует законодательство, общим моментом в регулировании водных отношений выступал приоритет общественных интересов против частных. Это нашло отражение в закреплении за государством расположенных на побережье земельных участков, навигационных и гидрологических сооружений, каналов и гаваней, что с наибольшей степенью проявилось в Канаде на основании Акта о Британской Северной Америке 1867 г. [4, с. 326]. Соответственно и нарушение норм водного права приводило к достаточно серьезной ответственности перед государством. В этом плане довольно показательной является Голландия, к которой освоение новых земель происходило за счет сооружения искусственных объектов, на отвоеванных у моря территориях. В этой связи регулирование создания и эксплуатации ирригационного хозяйства осуществлялось положениями жесткого «дамбового» права и обеспечивалось дамбовым налогообложением. В этой связи даже непроизвольное повреждение водозащитного сооружения могло привести к смертной казни [5, с. 193].

Вместе с тем развитие промышленности сделало актуальной проблему загрязнения водных ресурсов, что постепенно привело к возникновению правовых норм в этой сфере: это и Закон о предотвращении загрязнения рек, принятый в 1876 г., которым впервые было запрещено загрязнение водных объектов любым способом, а также специальные законы по использованию и охране водных ресурсов, принятые в Испании и Франции во второй половине XIX в. [11, с. 3-4].

Другой характер становления водного законодательства был свойственен Российской империи. Правовая регламентация в этой сфере отличалась неполнотой и разобщенностью, что являлось следствием национальных особенностей становления и развития российской государственности и невысоким уровнем развития промышленности, в отличие от Европы. Учитывая сильную царскую власть и значение естественных водных объектов (рек и озер) для торговли и охраны российских границ, данные водные объекты не могли быть признаны частной собственностью. Право собственности государства распространялось как в отношении судоходных, так и несудоходных рек.

Начиная с царствования Петра I происходит усиление государственного влияния на водные отношения с военной, экономической и политической точек зрения. Начавшееся строительство гидросооружений, таких как например водопровод, снабжавший Москву питьевой водой, судоходных и водоотводных каналов, дамб и иных сооружений под государственным патронажем усилили контроль государства за использованием водных объектов. В основе российского законодательства лежали меры защиты интересов прибрежных землевладельцев, которые во многом и обеспечивали строительство, функционирование и развитие гидротехнических сооружений.

Особое нормативно-правовое регулирование в водной сфере сложилось в отношении территорий Средней Азии, принадлежавших царской России. В частности, от 19 июня 1877 г. были приняты «Временные правила по ирригации», установившие принадлежность государству вод арыков, каналов и рек. Исходя из этого регулирование распределения водных ресурсов возлагалось на колониальную администрацию. Подобный порядок действовал и после введения «Положения управлением Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г., несмотря на закрепление в ст. 256 данного Положения требования относительно предоставления в пользование населению воды в главных арыках, реках, ручьях, озерах по обычаю.

Конец XIX в. ознаменовался постановкой вопроса о серьезной разработке водного законодательства в России. Источником явились результаты научной экспедиции, состоявшейся в 1894 г. и признавшей отрицательным состояние водных ресурсов. Было предложено сформировать правовую систему, обеспечивающую охрану водных ресурсов вне зависимости от их принадлежности. 20 мая 1902 г. были приняты «Правила об устройстве каналов и других водопроводных сооружений на чужих землях для осушительных, оросительных и обводнительных целей». Данные Правила в качестве самостоятельного закона были включены в «Устав сельского хозяйства». Достаточно серьезные недочеты этого нормативного акта вызвали постоянные дискуссии и попытки внесения изменений, которые продолжались вплоть до 1917 г.

После октябрьской революции 1917г., изменяются и подходы к правовому регулированию водных отношений. Они исходят исключительно из государственной формы собственности в отношении водных объектов и бесплатного и практически бессрочного режима водопользования. Основным направлением развития водного законодательства в 20-30-е годы XX века становится формирование мелиоративных и водно-распределительных механизмов. В этой связи и кодификация водного законодательства СССР в это время служила этой цели. В качестве примера выступают принятые кодексы союзных республик: в 1928г – Водно-мелиоративный кодекс БССР, 1929 г. – Земельно-водные кодексы Узбекской и Туркменской ССР, а в последствии и «Положение о сельскохозяйственном водопользовании, охране и развитии ирригационно-мелиоративного фонда по Киргизской ССР», принятое в 1942 г. Особая роль в развитии водного законодательства СССР принадлежит подготовленным в 1931–1940 гг. первому и в 1959–1974 гг. второму водным кадастрам, в которых были собраны и обобщены сведения о водных объектах СССР с конца XIX в. Формально необходимость подготовки государственного реестра (кадастра) водных ресурсов была предусмотрена в Постановлении Совнаркома СССР «О составлении водного кадастра Союза ССР» от 19 февраля 1933 г.[10]. Несмотря на неполную разработку кадастра, его роль было сложно переоценить в силу обобщения огромного массива данных, имевшего серьезное экономическое и правовое значение. Помимо водного особого значения имела и попытка составления болотного кадастра, научное обоснование которому стало предметом исследований многих специалистов [9, с. 169].

Несмотря на проработку отдельных вопросов водного законодательства в послевоенный период, которые затрагивали решение мелиорационных и ирригационных задач, а также гидротехнического строительства, его кодификация на уровне государства произошла только 1970 г. с принятием «Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик». Принятия нормативно-правового акта подобного уровня потребовали проблемы не только промышленного и сельскохозяйственного развития, но и существовавшие экологические проблемы.

Это нашло отражение, в частности, в принятом в 1972 г. Водном кодексе РСФСР, в котором прослеживается отход от задач ирригации и мелиорации и становятся актуальными проблемы водного обеспечения не только всех отраслей народного хозяйства, но и наравне с этим и населения. Несмотря на это в нем недостаточно было обеспечено требование относительно комплексного использования водохозяйственных объектов.

Список литературы

1. Аннерс Э. История Европейского права. М.: Наука, 1994. С. 275 - 278.
2. Господина нашего Священнейшего Принцепса Юстиниана, права очищенного и собранного из всей древней юриспруденции. Дигесты, или Пандекты. Книга первая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.digestaiust.narod.ru/01.html>.
3. Дембо Л.И. Основные проблемы советского водного законодательства. П.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1948. С. 8- 12
4. Земельное законодательство зарубежных стран / Под ред. ГА. Аксененка, Н.И. Краснова, Л.П. Фоминой. М.: Наука, 1982. С. 326 - 343.
5. История Европы / Пред. ред. коллегии А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1993. Т. 3. С. 193.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. М., 1992. С. 102.
7. Новицкий И.Б. Римское право. М.: Ассоциация "Гуманитарное знание", 1993. С. 103-110.
8. Новицкий И.Б. Римское право. М., 1993. С. 113
9. Пьявченко Н.И. Торфяные болота, их природное и хозяйственное значение. М., 1985. Ниценко А.О. О терминологии основных понятий болотоведения // Ботанический журнал. 1967. № 11. Т. 52. С. 1692 — 1696.
10. Сборник законодательства СССР. 1933. № 12. Ст. 70; Марков П.В. Мелиоративный кадастр СССР. М., 1963.
11. Сиваков Д.О. Водное право. М., 2007. С. 2-3.
12. Фридман А.А. Модели экономического управления водными ресурсами. М., 2012. С. 16-17
13. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/ frametext2.htm>

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ОЧЕРЕДНОСТЬ НАСЛЕДНИКОВ И ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Маркина Л.А., Рыбакова А.И., Фадеева Л.Д., Сологубова Т.В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва
Внешэкономбанк, г. Москва

Исторически сложилось так, что институт наследования, и в, частности, наследования по закону, является тем правовым инструментом, который обеспечивает необходимый баланс между публичными и частными интересами в сфере имущественных отношений, выступая не только в качестве одного из производных основания приобретения права собственности, но и защищая имущественные интересы наследников.

Сложившись на основе формировавшихся столетиями национальных и нравственных устоях, приоритета семьи в обществе, наследование по закону является одной из наиболее стабильных и консервативных подотраслей гражданского права. Анализ современного наследственного законодательства позволяет выявить общие тенденции развития правового института наследования по закону, к числу которых относятся расширение наследственных прав пережившего супруга, как в Англии, или усыновленных и внебрачных детей, как во Франции, Германии. Эволюция же российского наследственного права связана с расширением круга лиц, призываемых к наследованию по закону, наследственными правами нетрудоспособных иждивенцев, обязательной долей наследования. В последнее время, начиная с 2015 года, практикующими юристами, нотариусами, экспертами широко обсуждаются законопроект о совершенствовании наследственного права путем дополнении гражданского законодательства сравнительно

новыми для российской правовой системы институтами наследственного договора, частного наследственного фонда, а также общих завещаний.

Как и в большинстве цивилизованных стран, наследование по закону выступает в качестве наиболее эффективного, и, как следствие, наиболее распространенного основания перехода имущества наследодателя к его наследникам. Тот факт, что сложившаяся в Российской Федерации система наследования работает эффективно, неоднократно отмечался экспертами юридического сообщества, а также подтверждается данными судебной статистики: количество судебных споров по наследственным делам, много лет находится на стабильно низком уровне. По данным Федеральной нотариальной палаты, нотариальные действия, связанные с наследованием имущества занимают довольно высокие позиции в предоставленных отчетах нотариальных палат в 2016 году: число свидетельств о праве на наследство при наследовании по закону составило 76, 4 %. Количество нотариальных действий, обеспечивающих оформление и закрепление наследственных прав, связанных с выдачей свидетельств о праве на наследство по закону возросло на 5,3 % от общего количества нотариальных действий в сравнении с предыдущим периодом.

Право наследования, гарантированное ч.4 ст.35 Конституции РФ, обеспечивает переход имущества наследодателя к другим лицам в порядке, определяемым гражданским законодательством. Законодателем достаточно четко и подробно регламентирован порядок и условия очередности наследников, однако, на практике правоприменители могут столкнуться с рядом проблем.

До введения в действие части третьей ГК РФ, и до внесения изменений 17.05.2001 в действующую на тот момент ст. 532 ГК РСФСР, определение степени родства наследников не вызывало особых затруднений у нотариусов.

В качестве доказательств родственных отношений с наследодателем наследникам первой и второй очередей наследования достаточно было предоставить свидетельство о заключении брака в органах записи актов гражданского состояния, свидетельство о рождении.

Логично предположить, что по мере расширения круга лиц, призываемых к наследованию по закону, и, как следствие, усложнения процедуры сбора необходимых документов, следует расширить перечень возможных документальных средств доказывания, используемых в качестве подтверждения родственных отношений между умершим и его наследниками.

Так, в качестве документов, подтверждающих родственные отношения с наследодателем наследники могут предоставить справки о наличии зарегистрированного брака, рождении ребенка, выданные органами записи актов гражданского состояния на основании соответствующих копий актовых записей, справки, подтверждающие необходимые сведения, могут быть выданы организациями в пределах их полномочий по месту работы либо по месту жительства наследодателя или наследников, при определенных обстоятельствах это также же могут отметки в паспорте о супруге; выписки из домовой книги и т.п. Очевидно, что при сборе и применении документов, косвенно подтверждающих родство, следует применять принцип комплексности оценки: факт родственных отношений должен быть подтвержден не одним документом, а их совокупностью.

При недостаточности доказательств, подтверждающих родственные отношения и их степень, нотариусам целесообразно истребовать решение суда об установлении необходимых юридических фактов (состояние родства или брачные отношения, факт иждивенчества и т.п.).

В ходе проверки документов, подтверждающих родственные отношения наследодателя и наследников, нотариусам очень часто приходится сталкиваться с имеющими место расхождениями в документах при написании фамилий, имен, отчеств и др. Возникает резонный вопрос: возлагается ли на нотариуса в таких случаях обязанность запрашивать решение суда об установлении факта родственных отношений? Думается, что ответ на данный вопрос не является столь однозначным и зависит от конкретных обстоятельств, а именно, от степени несоответствия документов.

Рассмотрим, как данный вопрос решается в судебной практике.

В производстве Домодедовского городского суда находилась жалоба Сноп Натальи на действия нотариуса Домодедовского района Московской области. Судом было установлено, что нотариус отказал в выдаче свидетельства о праве на наследство Сноп Наталье. Наследодателем являлась Сноп Надежда, которая скончалась 29.05.2000. В свидетельстве о смерти, выданном по месту смерти наследодателя - в Эстонии, были по сложившейся традиции указаны лишь фамилия и имя умершей, без указания отчества. В свете указанных обстоятельств нотариус посчитал, что не может достоверно установить, что Сноп Надежда Юстасовна и Сноп Надежда – одно и то же лицо.

Суд удовлетворил требования Сноп Натальи, признав отказ нотариуса в выдаче свидетельства о праве на наследство необоснованным и указав в мотивировочной части решения, что анализ представленных нотариусу документов свидетельствует о том, что наследодатель и собственница наследственной массы - одно и то же лицо.

Суд в своем решении пояснил, что 26.01.1993 Российской Федерацией и Эстонской Республикой был заключен двусторонний международный договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее - «Договор»). В ст. 41 Договора государства-участники провозгласили принцип уравнивания в правах граждан договаривающихся сторон, в соответствии с которым граждане одной договаривающейся стороны приравниваются в правах к гражданам другой договаривающейся стороны, проживающим на ее территории, в отношении способности составления или отмены завещания на имущество, находящееся на территории другой договаривающейся стороны, или на права, которые должны быть там осуществлены, а также в отношении способности приобретения по наследству имущества или прав. Имущество или права переходят к ним на тех же условиях, какие установлены для собственных граждан договаривающейся стороны, проживающих на ее территории.

Следуя европейской традиции, эстонским гражданским законодательством установлено, что имя гражданина состоит из имени и фамилии. В соответствии со ст. 1195 ГК РФ личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет. Таким образом, нотариус, надлежащим образом изучив соответствующие документы, мог прийти к выводу, что Сноп Надежда Юстасовна и Сноп Надежда - одно и то же лицо [2, с.113].

В нотариальной практике возникает еще один вопрос: возможно ли призвание к наследованию пасынка (падчерицы) в случае смерти мачехи, если при этом мать ребенка жива. На наш взгляд очевидно, что такой гражданин будет призван к наследованию в установленной гражданским законодательством очередности независимо от того, находится ли в живых его мать. В случае же ее смерти, он будет призван к наследованию в качестве наследника первой очереди.

Рассмотрим ситуацию, когда отец ребенка неоднократно вступал в брак, тогда все супруги отца будут являться мачехами по отношению к ребенку. В каком случае ребенок будет призван к наследованию?

Например, 27.02.2014 у несовершеннолетнего С. умерла мать. Через несколько месяцев после смерти матери С. его отец Г. зарегистрировал брак с гражданкой Б., которая по отношению к С. стала его мачехой. Очевидно, что по отношению к своей матери С. является наследником первой очереди. Мачеха С. умерла 14.12.2014. Кроме супруга Г., являющегося отцом С., других наследников у Б. не было. Следовательно, у Б. имелись следующие наследники: наследник первой очереди - муж Г. и наследник седьмой очереди - пасынок С.

Г., как наследник первой очереди, теоретически может отказаться либо не принять наследство. В таком случае к наследованию будет призван С., как наследник седьмой очереди.

Допустим, что через несколько месяцев Г. вновь зарегистрировал брак с гражданкой Т., которая фактически стала второй мачехой по отношению к С.

Т. умерла 10.09.2015, иных родственников у нее не имелось. Следовательно, ее пасынок С. может быть призван к наследованию после ее смерти как наследник седьмой очереди, если Г., как переживший супруг, опять же откажется или не примет наследство, или будет отстранен от наследования как недостойный наследник.

Таким образом, подобные рассуждения приводят нас к выводу, что пасынки (падчерицы) могут быть призваны к наследованию не только после одной мачехи, но и после последующих.

Несмотря на тот факт, что очередность наследования по закону можно считать наиболее оптимально регламентированной областью законодательства, некоторые его положения вызывают различные точки зрения у правоприменителей. Так, возникает вопрос: как должно осуществляться наследование, если наследник по праву представления будет отнесен к числу наследников, которые отказались от наследства, не указав поднаследника, или не приняли наследство, либо отстранены от наследования по основаниям, предусмотренным ст. 1117 ГК РФ.

Ряд нотариусов, руководствуясь п. 1 ст. 1161 ГК РФ, распределяют долю так называемого «отпавшего» наследника по праву представления между всеми наследниками по закону, а не только между наследниками по праву представления.

В то же время подобная трактовка противоречит содержанию п.1. ст. 1146 ГК РФ, в соответствии с которой доля наследника по закону, умершего до открытия наследства или одновременно с наследодателем,

переходит по праву представления к его соответствующим наследникам в случаях, предусмотренных п. 2. ст. 1142, п. 2. ст. 1143, п. 2. ст. 1144 ГК РФ, и делится между ними поровну [2, с.113].

Верность данной позиции подтверждается и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. П. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" содержит следующее разъяснение: «Если наследник по праву представления не вступит в наследство, откажется от наследства без указания лиц, в пользу которых он отказывается от наследственного имущества, не имеет права наследовать или отстранен от наследования в соответствии со ст. 1117 ГК РФ, доля, переходящая по праву представления к соответствующим наследникам, делится поровну между оставшимися наследниками по праву представления либо переходит к единственному такому наследнику, принявшему наследство. Лишь при отсутствии других наследников по праву представления, принявших наследство, эта доля переходит к иным наследникам наследодателя согласно правилам приращения наследственных долей.

Не наследуют по праву представления наследники наследодателя и их потомки, если их родитель был лишен наследодателем права на наследство путем составления соответствующего завещания, а также в случае, когда их умерший родитель был признан недостойным наследником. Отказ от наследства наследников по закону либо завещанию в пользу лиц, наследующих по праву представления, допустим только в том случае, если последние могут быть призваны к наследованию по закону в порядке представления или по завещанию» [4].

Как известно, к наследникам первой очереди, наряду с родными детьми, относятся и усыновленные. Несмотря на очевидную простоту указанного законоположения, нотариусы, иные правоприменители по-разному толкуют нормы права, связанные с определением круга родственников, с которыми у усыновленного ребенка могут сохраниться имущественные, а, следовательно, и наследственные отношения [7].

Одни авторы (А.Л. Маковский, З.Г. Крылова, Т.Д. Чепига) считают, что поскольку Семейный кодекс Российской Федерации допускает сохранение родственных отношений, в том числе личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей с одним из родителей (по желанию матери, если усыновитель мужчина, и по желанию отца, если усыновитель – женщина), то правовая связь ребенка с иными родственниками (сестры, братья, дедушка, бабушка, тети, дяди) утрачивается. То есть налицо буквальное толкование нормы закона [3, с.125].

Иной точки зрения придерживается О.Е. Шиловост, справедливо полагая, что подобное применение п. 3 ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации необоснованно ущемляет права усыновленного ребенка, а потому предлагает толковать указанную норму закона расширительно.

Косвенным подтверждением правоты вышеназванной позиции является норма п. 4 ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации, где установлено, что если один из родителей усыновленного ребенка умер, то по просьбе родителей умершего родителя (дедушки или бабушки ребенка) могут быть сохранены личные неимущественные и имущественные права и обязанности по отношению к родственникам умершего родителя, если этого требуют интересы ребенка. Таким образом, категория "родственники" толкуется расширительно и включает дедушек и бабушек, а также иных родственников со стороны умершего родителя [5, с.11-12].

В связи с широким распространением в последнее время, вызывающим споры и противоречивые мнения в социологии, психологии и юриспруденции института сожительства, возникает объективная необходимость правового регулирования наследования по закону фактических супругов (сожителей). Теоретически вопрос можно решить следующим образом: применить норму закона о том, что они могут наследовать друг после друга по завещанию, а также когда ко дню открытия наследства фактический супруг являлся нетрудоспособным и не менее года до смерти наследодателя находился на его иждивении и проживал совместно с ним. Как нами указывалось ранее, фактическим брачным отношениям присущи все признаки семейных отношений, однако, с правовой точки зрения фактические супруги не защищены.

Интересным в этой связи представляется опыт ряда зарубежных стран (Норвегия, Франция, Эквадор). Так, в соответствии с Законом Эквадора № 115 "О регулировании фактического брака" к супругу, состоявшему в фактических брачных отношениях, применяются все правила о наследовании по закону, предусмотренные Гражданским кодексом Эквадора в отношении супруга [6, с.11-12]. Однако, по общему правилу, фактические супруги не имеют права наследовать по закону, только по завещанию. В качестве исключения можно привести пример законодательства Каталонии, где переживший фактический супруг наследует по закону одежду, мебель, предметы домашней обстановки и обихода. Однако, не наследует

предметы роскоши, и сохраняет годичное право использования помещения, где они проживали с умершим (по договору аренды или на правах собственника).

Таким образом, было бы справедливым включать в круг наследников по закону как супругов, так и лиц, связанных длительными фактическими брачными отношениями с наследодателем. Данная норма вполне будет отвечать требованиям разумности и целесообразности, так как фактические супруги совместно приобретают общее имущество, на которое один из сожителей вправе рассчитывать после смерти другого. [1, с.5]

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что несмотря на высокую социальную значимость правового института наследования по закону, на практике возникает достаточно большое количество ситуаций, связанных с очередностью наследования, которые остаются не урегулированными законом. В связи с этим на законодательном уровне необходимо разрешить обозначенные проблемы, что позволит снизить количество спорных моментов, возникающих в деятельности нотариусов, исключить рост исковых заявлений граждан, обеспечить соблюдение принципа справедливости.

Список литературы

1. Альбиков И.Р. К вопросу об общетеоретической характеристике наследственных прав фактических супругов // Семейное и жилищное право. 2012. № 1. С. 5.
2. Зайцева Т.И. Настольная книга нотариуса: В 4 т. Семейное и наследственное право в нотариальной практике. Том. 3. М., 2015. С. 113.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М., 2004. С. 125.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" // Российская газета. 2012. 6 июня. № 127.
5. Рудьман Д.С. К вопросу об очередности при наследовании по закону через призму семейного законодательства // Российская юстиция. 2015. № 9. Доступ из справочно-информационной системы «Консультант Плюс».
6. Солодкова Т.П. Защита прав фактических супругов в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2009. № 2. С. 11-12.
7. Шиловост О.Ю. Спорные вопросы правового регулирования наследования усыновленных // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 11.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Маркина Л.А., Рыбакова А.И., Фадеева Л.Д., Сологубова Т.В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва
Внешэкономбанк, г. Москва

Правовой институт наследования по закону, являясь одним из гарантов социальной справедливости, относится к одному из наиболее практически востребованных правовых инструментов в гражданском праве. Это наиболее распространенное основание перехода имущества наследодателя к его правопреемникам. Наследование по закону, как правовой институт, опирается на получившие признание законодателя общесоциальные представления о наиболее правильном и справедливом распределении наследственного имущества, основанные на ценностях брака, родства, материального обеспечения близких к наследодателю лиц.

Применяемый законный порядок наследования как "восполняющий" волю умершего, выступает в роли своеобразного "молчаливого завещания" [5, С.333]. Как подчеркивает О.Ю. Шиловост, сомнениям данный тезис не подвергался, а ученые - теоретики единодушно констатировали тот факт, что закон, восполняя недостающее волеизъявление наследодателя, исходил из его предполагаемой, вероятной воли и призывал к наследованию тех родственников, которых, по мнению законодателя, сам наследодатель в силу врожденного чувства привязанности, основанного на семейной близости, наделил бы наследством, если бы распорядился своим имуществом путем составления завещания [7]. Такая квалификация правовой природы

и мотива наследования *ab intestato* находит поддержку как у дореволюционных и советских, так и у современных отечественных исследователей. В то же время современный этап развития российского законодательства о наследовании требует более детального рассмотрения данной проблемы.

Исследование понятийно-категориального аппарата правового института наследования по закону показало, что в его основу заложены два основных начала: индивидуальное и социальное. Особенность индивидуального начала заключается в том, что наследственная масса переходит к тем лицам, которые были наиболее близки к наследодателю в силу объективных причин: наличие зарегистрированного брака, фактов родства, усыновления, нахождения на иждивении и прочее. Главенствующим фактором среди вышеперечисленных, бесспорно, является кровное родство, получившее свое закрепление в нормах римского права и сохранившееся с некоторыми оговорками в современном законодательстве большинства европейских государств.

Социальное начало характеризует стремление государства освободиться от бремени содержания априори нуждающихся категорий граждан, что находило свое выражение в наделении наследственными правами нетрудоспособных и нуждающихся родственников наследодателя, а затем - его нетрудоспособных иждивенцев. Социальное начало проявляется также в наделении правами наследования в качестве законного правопреемника государства и иных публичных образований в том случае, когда имущество наследодателя отнесено к категории выморочного.

Расширение влияния индивидуального начала образует основную тенденцию современного состояния правового регулирования наследования по закону в наследственном праве [1].

Одной из характерных черт современного гражданского законодательства, регламентирующего порядок наследования по закону, является беспрецедентное увеличение очередей наследования, на чем акцентируется внимание авторов в научных работах последних лет. Полностью разделяя мнение ученых-цивилистов, ученых-правоведов, нельзя не подчеркнуть, что представление о наследовании по закону как о способе восполнения воли наследодателя не в полной мере отвечает реальному положению дел.

Санкционированные законодателем представления общества о близости степеней родства мы можем наблюдать в пределах первых трех очередей наследования, в то время как четвертая, пятая, шестая очереди основываются лишь на формальной родственной связи с наследодателем, и семейная близость, реальные родственные отношения здесь не имеют значения [3]. Из этого можно сделать вывод о том, обосновывать имеющуюся конструкцию очередности наследования исключительно "предполагаемой волей наследодателя" или семейными отношениями неразумно. Думается, что одной из главных побудительных причин, которым руководствовался законодатель при разработке нового свода норм наследственного права, было стремление обеспечить всемерное сохранение имущества в режиме частной собственности.

Резюмируя сказанное, можно выделить следующие тенденции современного наследственного законодательства.

Во-первых, соотношение индивидуального и социального начал характеризуется беспрецедентным усилением влияния первого из них, что проявляется в чрезмерном расширении круга кровных родственников, призываемых к наследованию.

Во-вторых, социальное начало в правовом регулировании наследования по закону все более приобретает "цивилистические" черты, подвергаясь влиянию начала индивидуального [1]. Это проявляется, в переносе очередности выморочного имущества с третьего на девятое место в ряду законных наследников; в уменьшении размера обязательной доли - за последние шестьдесят лет она снизилась с полной (1945 г.) до половины (2001 г.) законной доли. И, наконец, социальное начало отстает перед индивидуальным в институтах наследования необходимых наследников и нетрудоспособных иждивенцев, условия призвания которых к наследованию зависят уже не только от наступления нетрудоспособности к моменту открытия наследства, но и от дополнительных условий: продолжительности иждивения, степени родства и совместного проживания с наследодателем [6, с.25].

В-третьих, процесс развития наследования по закону как категории в гражданском праве непрерывен и постоянно находится в динамике, отсюда можно сделать вывод о том, у законодателя отсутствует логика в части определения круга родственников, с которыми у ребенка при усыновлении сохраняются личные неимущественные и имущественные и, как следствие, наследственные, отношения. Думается, что интересы усыновленного будут удовлетворены путем внесения в соответствующих изменений в Семейный Кодекс Российской Федерации. В частности, целесообразно дополнить п. 3 ст. 137 Семейного Кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции: «При усыновлении ребенка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть

сохранены по желанию матери, если усыновитель - мужчина, или по желанию отца, если усыновитель – женщина, с учетом мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет. Сохранение отношений с одним из кровных родителей влечет сохранение личных неимущественных и имущественных отношений с родственниками данного родителя, если этого требуют интересы ребенка».

В-четвертых, говоря о седьмой очереди наследования, следует отметить, что отнесение отчима, мачехи, пасынка, падчерицы лиц к столь дальней очереди наследования не всегда разумно и справедливо. Даже если отчим и мачеха не усыновили ребенка в установленном законом порядке, фактически они могут выполнять те же функции, что и кровные родители. В то же время возможность реального участия вышеперечисленных лиц в наследовании имущества наследодателя весьма маловероятна. Удаленность данной очереди наследования вряд ли может быть оправданной, так как не учитывает реальной степени близости этих лиц с наследодателем, поэтому следует согласиться с точкой зрения Е.В. Вавилина, который полагает, что согласно принципу справедливости пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя должны быть отнесены законодателем не к одной из последних очередей наследников по закону, а по крайней мере ко второй очереди [4, с.11]

В-пятых, порядок наследования супругами имущества друг друга предусмотрен нормами гражданского и семейного законодательства. Явным пробелом отечественного законодателя является игнорирование такого социального института, как сожительство (или «совместное жительство»), вызывающее споры и противоречивые мнения в социологии, психологии и юриспруденции. Следовательно, возникает объективная необходимость правового регулирования наследования по закону фактических супругов (сожителей). Формально они могут наследовать друг после друга по завещанию, а также когда ко дню открытия наследства фактический супруг являлся нетрудоспособным и не менее года до смерти наследодателя находился на его иждивении и проживал совместно с ним. Как указывалось в работе, фактическим брачным отношениям присущи все признаки семейных отношений, однако, с правовой точки зрения фактические супруги не защищены. Таким образом, целесообразно дополнение п. 1 ст. 1142 ГК РФ следующим пунктом: «Фактические супруги являются наследниками имущества, приобретенного ими в период фактических брачных отношений, наряду с другими наследниками первой очереди, если отношения между фактическими супругами были оформлены в установленном законом порядке». В этой связи, целесообразно на уровне закона разработать вопрос о «соглашении о фактическом браке», аналогично тому, что имеется в законодательстве Бельгии. Соответственно, дополнить ст. 10 Семейного Кодекса Российской Федерации пунктом следующего содержания: «Имущественные права и обязанности лиц разного пола, живущих вместе и ведущих совместное хозяйство (фактических супругов), возникают со дня заключения соглашения о фактическом браке. Соглашение о фактическом браке заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Изменение и расторжение соглашения производятся в той же форме, что и его заключение».

В-шестых. Представьте ситуацию. Вы наконец-то купили квартиру. Оформили кредит или накопили нужную сумму и подписали договор. А потом приходит повестка в суд, и государство отбирает законно приобретенное жилье, поскольку квартира является выморочной – то есть ее прежний хозяин умер, а его наследники не объявились в течение положенных шести месяцев. В соответствии с гражданским законодательством такая квартира переходит в собственность Российской Федерации. Но ее перехватили мошенники и оформили на себя, а потом продали одному человеку, затем другому и в конце цепочки оказались вы. Чиновников и суд совершенно не волнует, что добросовестный приобретатель оказался пострадавшей стороной. Более того, в некоторых случаях добросовестных владельцев выморочных квартир могут обвинить в сговоре с мошенниками. Именно в такой ситуации оказался житель Москвы Александр Дубовец. В 2008 году он приобрел квартиру на улице Удальцова, а в 2015 по решению суда она перешла в собственность Департамента городского имущества Москвы. Суд постановил, что раз квартира поменяла собственника незаконно, то все последующие сделки не имеют юридической силы. Пострадавший владелец обратился в Конституционный суд, который вынес решение в его пользу. Конституционный суд запретил властям отбирать выморочные квартиры у добросовестных покупателей. Суд согласился с позицией заявителя, который доказывал, что, если государство не «уследило» за причитавшейся ему квартирой, то оно само и виновато в ее утрате, пишет газета «Ведомости». Адвокат заявителя Дмитрий Степанов отметил в интервью изданию, что позиция Конституционного суда может повлиять не только на споры о выморочном имуществе, но и на споры о недвижимости, приватизация которой была затем признана незаконной. К примеру, гражданин приобрел земельный участок, а впоследствии выяснилось, что он принадлежит лесному фонду, и подлежит изъятию. Или приобрел гражданин дачу, а она

оказалась в охранной зоне магистрального газопровода. Специалисты отмечают, что это не первое решение Конституционного Суда в пользу добросовестных покупателей недвижимости. В 2015 суд запретил отбирать приватизированные с нарушениями квартиры без надлежащей компенсации. Но в Верховном Суде заметили, что добросовестность при приобретении означает, что покупатель все проверил и выяснил, на каких основаниях продавец стал владельцем жилья. То есть в случае с черными риэлторами виноватой оказывается их жертва. Теперь это не так: Конституционный суд постановил, что государство, регистрируя право на недвижимость, подтверждает законность сделки. В Общественной палате уверяют, что проблема давно в центре внимания. Правительство ранее внесло в Госдуму законопроект о компенсации добросовестным владельцам, которые лишились жилья. Но против инициативы выступают власти Москвы. Как пишет газета «Ведомости», некоторые юристы полагают, что Конституционный суд принял политическое решение по поручению Президента.

Таким образом, несмотря на высокую социальную значимость правового института наследования по закону, на практике возникает достаточно большое количество ситуаций, которые остаются не урегулированными законом. В связи с этим на законодательном уровне необходимо разрешить обозначенные проблемы, что позволит исключить рост исковых заявлений граждан, снизить количество спорных моментов, возникающих в деятельности нотариусов, обеспечить соблюдение принципа справедливости.

Начиная с 2015 года, идет активное обсуждение законопроекта о внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации. Несмотря на то, что миновало два года, горячие споры и дискуссии среди практикующих юристов, экспертов, нотариусов продолжаются до сих пор. В феврале 2017 года Федеральная палата адвокатов направила письмо главе комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрею Клишасу, в котором изложила свою позицию о законопроекте № 801269-6, содержащим поправки части третьей ГК РФ. Они направлены на формирование новой концепции наследственного права. Законопроект был внесен в Государственную Думу группой депутатов во главе с Павлом Крашенинниковым еще в 2015 году и принят в первом чтении годом позже. Второе чтение документа должно было состояться в феврале 2017 года, но было перенесено. В Федеральной палате адвокатов считают, что документ нуждается в доработке, так как в нынешнем виде он нарушает права наследников.

Так, например, предлагается ввести в гражданское законодательство понятие «частного наследственного фонда». Сторонники данной новеллы в качестве аргумента приводят в пример тот факт, что всемирно известная Нобелевская премия выплачивается из средств именно такого фонда. Применительно же к российским реалиям предлагается средствами частного наследственного фонда обеспечить бесперебойное функционирование бизнеса, оставшегося после наследодателя на период вступления в наследство его наследников.

Заслуживающим внимания обстоятельством является предложение о замене свидетельства о праве на наследство свидетельством о наследовании, в котором будет указано, какая доля будет полагаться надлежащему наследнику. То есть на нотариуса за определенную фиксированную плату предлагается возложить обязанность по установлению кровной связи наследника или соответствия завещанию.

Ряд экспертов предлагают ввести в ГК РФ такой термин, как «наследственный договор», предполагающий участие в нем лиц, как связанных, так и не связанных узами родства, а также передачу имущества под условием. Например, уход за пережившим наследодателя домашним питомцем. По мнению председателя Федеральной палаты адвокатов, такой договор без указания срока будет ограничивать права законных наследников, а также существенно ограничивает существующий принцип свободы завещания, а без указания срока будет ограничивать права законных наследников [2].

В любом случае реформа наследственного законодательства должна проводиться взвешенно и поэтапно, отвечать требованиям *common sense* – здравого смысла. В то же время думается, что внесение кардинальных изменений в часть третью ГК РФ было бы не вполне рационально и разумно, поскольку предлагаемые правовые конструкции так или иначе, прямо или косвенно нашли свое закрепление в нормах действующего законодательства. И стабильно низкий уровень судебных споров по наследственным делам – достаточно веское доказательство эффективности функционирования сложившейся системы.

Список литературы

1. Абраменков М.С. Идеологический базис наследования по закону // Наследственное право. 2016. № 1. Доступ из справочно-информационной системы «Консультант Плюс».
2. Адвокатам не понравилась новая концепция наследственного права. URL: [http:// ppt.ru/news/138820](http://ppt.ru/news/138820) (дата обращения 15.04.2017).
3. Блинков О.Е. О расширении круга родственников, призываемых к наследованию по закону // Наследственное право. 2014. № 4. С. 3-6.
4. Вавилин Е.В. Осуществление наследственных прав: субъекты, объекты, механизм реализации // Наследственное право. 2011. № 1.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 2.
6. Шилохвост О. Ю. Проблемы правового регулирования наследования по закону в современном гражданском праве России: автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2006.
7. Шилохвост О.Ю. К вопросу об определении основания наследования по закону // Законодательство. 2006. № 7. С. 20 - 25.

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Гаврилов Е.Д.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания, г. Рязань

Деятельность современного преступника невозможна без его принадлежности к определенной криминальной среде. Эта принадлежность означает не только нахождение лица в окружении себе подобных, общении с ними, но и идентификацию себя с преступным миром. У ряда осужденных, как отмечает В.Я. Годлевская, в период отбывания наказания продолжают действовать те виды криминальных мотиваций, которые уже привели их в исправительное учреждение. К ним добавляются побуждения, связанные с уклонением от наказания; стремление завоевать лидерство, продемонстрировать силу, навязать другим свою волю, иногда просто «от нечего делать»[1].

В предупредительно-профилактический комплекс мероприятий по борьбе с проявлениями пенитенциарной преступности иностранцев, помимо принимаемых мер общего, специального и индивидуального характера, должна быть включена разработка мер организационно-управленческого характера по своевременной нейтрализации активных осужденных.

Депутат Государственной Думы Р.Д. Курбанов еще в начале 2014 г. внес на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в качестве законодательной инициативы проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» о недопустимости выдачи иностранному гражданину или лицу без гражданства разрешения на временное проживание, вида на жительство или разрешения на работу в Российской Федерации в случае, если они осуждены вступившим в законную силу приговором суда за совершение на территории Российской Федерации или за ее пределами умышленного преступления, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом, либо имеют вследствие этого непогашенную или неснятую судимость. Однако до июня 2017 г. данный законопроект не рассматривался.

Указанный проект направлен на систематизацию правового регулирования отношений, связанных с установлением и применением запретов на пребывание (проживание) в Российской Федерации отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства.

В качестве оснований для отказа в выдаче или аннулирования иностранному гражданину или лицу без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, вида на жительство в Российской Федерации и разрешения на работу в Российской Федерации предлагается закрепить случаи наличия у них неснятой или непогашенной судимости за совершение любого умышленного преступления на территории Российской Федерации или за её пределами.

Такие изменения будут способны и взаимоувязать различные действующие законодательные акты Российской Федерации, в соответствии с которыми в отношении иностранных граждан, имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации или за её пределами, будут действовать запреты на их въезд и пребывание на территории Российской Федерации.

С целью обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов, осужденных к уголовным наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, в настоящее время разрабатывается новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

Авторский коллектив в новом документе намерен закрепить положения специального правового статуса осужденных и выделить в самостоятельную статью особенности правового статуса осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства, так как правовой статус данных лиц отличается от лиц, обладающих общим правовым статусом.

То есть предлагаются следующие редакции статей, определяющих правовой статус осужденных[2]:

«Статья 10. Правовой статус осужденных:

1. Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, гарантирует их государственную защиту, предусматривающую правовую защиту и личную безопасность осужденных, обеспечивает законность применения к осужденным средств исправительного воздействия при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

2. При исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера осужденным гражданам Российской Федерации гарантируются их права, свободы и законные интересы с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. Осужденные не могут быть освобождены от исполнения своих обязанностей, кроме случаев, установленных федеральным законом.

3. Права, законные интересы и обязанности, осужденных определяются настоящим Кодексом исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида уголовного наказания и иной меры уголовно-правового характера».

«Статья 10-а. Особенности правового статуса осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства 1. Осужденные иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами, свободами, законными интересами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении этой категории лиц с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

2. Осужденным иностранным гражданам гарантируется оказание содействия в поддержании отношений с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации, а гражданам государств, не имеющих дипломатических представительств и консульских учреждений в Российской Федерации, – с дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных».

Данные редакции нового проекта УИК РФ полнее раскрывают правовой статус осужденных, учитывают, как положения международных норм права, так и сложившуюся отечественную правоприменительную деятельность.

Действующее законодательство направлено на рациональное размещение осужденных в местах отбывания наказания. Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство России также указывает, что иностранные граждане, лица с двойным гражданством и лица без гражданства, совершившие преступления на территории Российской Федерации, отбывают наказания за совершенные преступления на

тех же основаниях, что и граждане России, что подтверждается изменениями, внесенными в ч. 3 ст. 73 УИК РФ Федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 142 ФЗ, на основании которых осужденные иностранные граждане и лица без гражданства отбывают наказание в любых исправительных учреждениях на территории Российской Федерации.

Однако специалисты ГУФСИН России отмечают, что эффективнее процесс исправления осужденных осуществлялся в период, когда иностранные граждане и лица без гражданства отбывали наказание в учреждениях, аналогичных тому, которое было создано в 1986 г. – ИТК – 22 и за весь период своего существования доказало стабильной оперативной обстановкой, что при сосредоточении в одном месте 36 национальностей практически отсутствовал факт совершения преступлений. Приезд в исправительное учреждение представителей посольств способствовал перевоспитанию осужденных, поскольку наряду с сотрудниками отделов и служб они проводят разъяснительную работу и призывают к недопустимости нарушения режима содержания.

Поэтому представляется оправданной точка зрения о том, что в целях оптимизации размещения мест отбывания наказания на территории страны, сохранения социально полезных связей осужденных иностранцев, обеспечения доступности места отбывания наказания для родственников, представителей посольств и консульств иностранных государств, сосредоточения переводчиков и обеспечения их доступности следует в процессе реформирования УИС создать исправительные учреждения для иностранных граждан и лиц без гражданства.

¹ Годлевская В.Я. Характеристика преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник международного юридического института. – 2012. - № 2. – С.35.

² Белик В.Н. Новый Уголовно-исполнительный кодекс России: организационно-правовые аспекты защиты прав и свобод осужденных к уголовным наказаниям // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 7. - С. 85.

Список литературы

1. Белик В.Н. Новый Уголовно-исполнительный кодекс России: организационно-правовые аспекты защиты прав и свобод осужденных к уголовным наказаниям // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 7. – С. 84 - 89.
2. Годлевская В.Я. Характеристика преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник международного юридического института. – 2012. - № 2. – С.35.
3. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2017).

МЕСТО АМНИСТИИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Дубровин В.В.

¹ К.ю.н., доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО (У) МИД России

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Уголовная политика Российской Федерации – часть внутренней политики государства, основополагающая составляющая государственной политики противодействия преступности, направление деятельности государства в сфере охраны общественного строя от преступных посягательств, заключающееся в выработке принципов определения круга преступных деяний и законодательных признаков последних и формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях ее снижения и уменьшения ее негативного влияния на социальные процессы. Одним из таких методов является регулирование численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. Помимо предупреждения совершения новых преступлений такое регулирование возможно следующими способами:

1. Назначение наказания не связанного с лишением свободы.
2. Досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы.

3. Освобождение в связи с отбытием наказания в виде лишения свободы.

Одним из правовых механизмов досрочного освобождения от наказания является издание акта об амнистии, цель которого чаще всего объясняется мотивами гуманности, но может преследовать и вполне практические цели: разгрузка тюрем и следственных изоляторов, достижение национального примирения.

В Российской Федерации акт об амнистии – акт органа высшей государственной власти, направленный на освобождение от уголовной ответственности индивидуально неопределенного круга лиц. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что акт об амнистии входит именно в институт освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Однако при углубленном анализе этот вывод должен быть подвергнут критической оценке, так как уголовно-правовая природа акта об амнистии вызывает сомнения, несмотря на ее закрепление в ст. 84 УК РФ.

Дело в том, что амнистия прямо или косвенно нарушает часть принципов уголовного законодательства, а также создает препятствия в достижении целей наказания, закрепленных УК РФ. В связи с этим, акт об амнистии стоит рассматривать не как уголовно-правовой механизм в составе института освобождения от уголовной ответственности и наказания, а как конституционно-правовой механизм, которая порождает в том числе и уголовно-правовые последствия, более того, именно как один из правовых механизмов реализации уголовной политики государства в части регулирования численности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, но не средствами уголовного законодательства. Уголовному законодательству этот правовой механизм не соответствует, включение его в УК РФ представляется неверным и лишь вносит противоречия, придавая ему видимость уголовно-правовой природы.

Порядок освобождения лиц от уголовной ответственности, в отношении которых только ведется предварительное расследование и издан акт амнистии, закреплен в УПК, но в нем также содержится масса противоречий, среди которых можно отметить ряд обстоятельств: прекращение возбужденного уголовного дела в связи с принятием акта об амнистии оставляет преступление без наказания, нарушает презумпцию невиновности, поскольку прекращение уголовного дела в связи с изданием акта об амнистии является нереабилитирующим основанием, и затрудняет достижение назначений уголовного судопроизводства, так как защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, становится затруднительной.

Освобождение лиц от отбывания наказания в виде лишения свободы – безусловно гуманно. Но насколько правомерно утверждать, что это освобождение происходит в рамках уголовного законодательства?

Несмотря на то, что положения об амнистии прямо закреплены в УК РФ, издание акта об амнистии вступает в противоречие с принципами законности, равенства всех граждан перед законом и гуманизма, закрепленными в УК РФ. Также акт об амнистии может препятствовать достижению установленных в УК РФ целей наказания.

Указанные противоречия выражены следующим образом.

В соответствии с принципом законности, закрепленным в ст. 3 УК РФ, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ. Статья 1 УК РФ устанавливает, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из УК РФ, который основывается на Конституции и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Акт об амнистии не включается в состав УК РФ, законом не является, но влияет на возникновение, изменение и прекращение уголовно-правовых правоотношений, являясь уникальным нормативно-правовым актом, приравненным в системе действующих нормативно-правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию к законам. Так, в соответствии со ст. 84 УК РФ актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности; лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания; с лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость^[1].

При издании акта об амнистии освобождение от уголовной ответственности происходит на основании этого акта, а не на основании УК РФ.

В то же время наряду с актом об амнистии УК РФ предусматривает целый ряд правовых механизмов, регулирующих освобождение от уголовной ответственности. Они закреплены в ст.ст. 37-42, 75-83 и 86 УК РФ.

Порядок применения указанных выше правовых предписаний предусматривает выполнение ряда обязательных условий. Так, например, ст. 75 УК РФ относит возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только при совершении преступления небольшой или средней тяжести впервые (кроме случаев прямого указания в УК РФ) и вместе с тем при наличии добровольной явки с повинной, помощи в раскрытии и расследовании преступления, возмещении причиненного преступлением ущерба со стороны виновного лица. Также обязательным условием применения положений данной статьи является устранение общественной опасности деяния в связи с деятельным раскаянием.

В соответствии с императивным методом правового регулирования, применяемом в уголовном законодательстве, только выполнение всех условий, закрепленных в ст. 75 УК РФ, или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить, является основанием для применения данной правовой нормы. Аналогичный подход предусмотрен и для других правовых механизмов, указанных выше, но он не распространяется на акт об амнистии. Акт об амнистии вовсе не требует никаких условий для применения, кроме его принятия Государственной Думой.

Таким образом, наряду с предусмотренным в УК РФ порядком уголовно-правового регулирования освобождения от уголовной ответственности включена и амнистия, которая порождает уголовно-правовые последствия в обход УК РФ, что напрямую противоречит принципу законности.

Следующий принцип уголовного законодательства, с которым вступает в противоречие акт об амнистии, это принцип равенства граждан перед законом, который в соответствии со ст. 4 УК РФ устанавливает, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от любых обстоятельств.

Акт об амнистии, направленный на освобождение от уголовной ответственности индивидуально неопределенного круга лиц, тем не менее устанавливает категории лиц, подлежащих амнистии, например, женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет, несовершеннолетние и др.

Предполагается, что если лица, совершившие преступления, подлежат уголовной ответственности на равных основаниях независимо от любых обстоятельств, то и освобождаться от уголовной ответственности эти лица должны также на равных основаниях независимо от любых обстоятельств. Иными словами, в акте об амнистии может быть указано, что подлежат освобождению лица, впервые совершившие преступления небольшой тяжести. Это будет соответствовать принципу равенства всех граждан перед законом. Указание в акте об амнистии признаков, которые связаны с личностью виновного, например, с возрастом, то это является выражением неравенства, по отношению к лицам другого возраста, но совершившим аналогичные преступления.

Представляется, что акт об амнистии не может содержать подобных положений, нарушающих равенство граждан перед законом, и может включать в себя только такие признаки составов преступлений, которые не связаны с личностью виновного.

Более того, нарушение принципа равенства граждан перед законом заложено в саму основу акта об амнистии, так как он распространяется только на те преступления, которые были совершены до издания акта об амнистии. Лицо, совершившее преступление до принятия акта об амнистии, искусственно ставится в более привилегированное положение по сравнению с лицом, совершившим то же самое преступление и отвечающее тем же самым критериям, что и амнистированное лицо, после объявления акта амнистии, причем на основании каких-то посторонних событий, которые не имеют отношения к целям уголовного наказания.

Принцип гуманизма, которым руководствуется Государственная Дума, издавая акт об амнистии, не имеет ничего общего с соответствующим принципом уголовного законодательства, закрепленным в ст. 7 УК РФ, который предусматривает обеспечение безопасности человека и отсутствие цели причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства при применении наказания и иных мер уголовно-правового характера. Акты об амнистии не содержат в себе отсылки к этим положениям УК РФ.

Представленные противоречия акта об амнистии принципам уголовного законодательства явно указывает на то обстоятельство, что амнистия не имеет уголовно-правовой природы и должна быть исключена из уголовного законодательства, хотя данная тема требует своего дальнейшего изучения и не является исчерпанной.

¹ В дальнейшем в настоящей статье под термином «освобождение от уголовной ответственности» для удобства изложения будет пониматься весь комплекс уголовно-правовых последствий, охватываемых актом об амнистии: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания,

сокращение наказания или замена более мягким видом наказания, освобождение от дополнительного вида наказания, снятие судимости.

Пристатейный библиографический список

1. Бочарникова Л.Н., Бельский А.И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института. № 1 (19). 2012.
2. Дубровин В.В. Амнистия в уголовном судопроизводстве России: правовое регулирование // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16).
3. Дубровин В.В. Амнистия: случайный гуманизм уголовной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14).
4. Дубровин В.В. Возмещение вреда в рамках реабилитации в уголовном процессе России: недостатки правового регулирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (13).
5. Коновалова И.А. Амнистия и помилование как реализация права осужденных на досрочное освобождение от отбывания наказаний // Вестник Владимирского юридического института. № 1 (2). 2007.
6. Пудовочкин Е.Ю. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ. 2012. 240 с.
7. Ромашов Р.А. Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4.
8. Российское уголовное право. Общая и особенная части: учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ. 2014. 720 с.
9. Фильченко А.П. Амнистия как компромисс // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. 2011. № 1 (72).

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» И «ЯТРОГЕНИЯ»

Замалеева С.В.

Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск

С «врачебной ошибкой» и «ятрогенией» сталкиваются и юристы, и медики в ситуации причинения смерти пациенту, иных тяжких последствий при осуществлении врачом диагностики, лечения, профилактики или реабилитации. Возникает вопрос, что считать врачебной ошибкой, а что ятрогенией, учитывая, что данные понятия не являются юридическими, это медицинские термины.

Ни судебные медики, ни юристы до настоящего времени не имеют единства во взглядах по вопросу определения и соотношения понятий «врачебной ошибки» и «ятрогении». В настоящее время, учитывая стремительный рост числа ятрогений и врачебных ошибок, назрела необходимость четко сформулировать и на законодательном уровне закрепить указанные понятия.

Попробуем проанализировать понятия «врачебной ошибки» и «ятрогении», выяснить сходства или отличия указанных терминов.

Первый серьезный разговор об ошибках во врачебной деятельности начал Н.И. Пирогов, который ввел термин «врачебные ошибки»: «... я положил себе за правило при первом вступлении моем на кафедру ничего не скрывать от моих учеников и если не сейчас же, то потом и немедля открыть перед ними сделанную мной ошибку, будет ли она в диагнозе или в лечении болезни» [6, с. 165].

С медицинской точки зрения, к врачебным ошибкам относят добросовестное заблуждение врача, основанное на несовершенстве самой врачебной науки и ее методов или в результате атипичного течения заболевания, или недостаточности подготовки врача, если при этом не обнаруживаются элементов халатности, невнимательности или медицинского невежества[3].

Юристы также давно занимались изучением врачебной ошибки. По мнению И.Ф. Огаркова, конституирующим признаком врачебной ошибки, разграничивающей ее с уголовно наказуемым деянием, является «ненаказуемое добросовестное заблуждение при отсутствии небрежности, халатности или легкомысленного отношения врача к своим обязанностям, повлекшего ухудшение состояния здоровья пациента или его смерть» [5, с. 43].

Ряд авторов расширительно толкуют понятие врачебной ошибки, включая в него и элементы преступных действий. Так, Я.Л. Лейбович под врачебными ошибками рекомендует понимать «...

неправильные, небрежные, недобросовестные, неосторожные действия и приемы в оказании медицинской помощи или уходе за больными, результатом коих явилось телесное повреждение либо смерть, либо затяжка или ухудшение болезни, либо потеря благоприятного времени для правильного лечения» [2, с. 76].

П.С. Дагель считает, что причиной врачебной ошибки может быть добросовестное заблуждение врача вследствие его недостаточной опытности (в отсутствие возможности обратиться к консультации специалиста), несовершенства существующих методов диагностики или лечения, скрытых особенностей организма больного. В этих случаях уголовная ответственность врача исключается. Но медицинская ошибка может быть допущена и в результате небрежности врача. «Таким образом, ошибка ошибке рознь» [4, с. 12-14].

Сказанное свидетельствует о том, что большинство авторов понимают под врачебной ошибкой добросовестное заблуждение медицинского работника при отсутствии халатности, небрежности.

Представляется, что врачебные ошибки необходимо подразделять на противоправные виновные деяния и причинение смерти или вреда здоровью пациента невиновно.

Основной проблемой рассматриваемого понятия является то, что «врачебная ошибка» является медицинским термином и не имеет законодательного закрепления. Хотя многие ученые сошлись во мнении о необходимости законодательного введения данного термина для облегчения рассмотрения врачебных дел.

В последнее время все чаще врачебную ошибку называют ятрогенией и наоборот, что приводит к путанице не только медиков, но и юристов.

Термин "ятрогения" также неоднозначен. В переводе с греческого (от *iatros* - врач, *gennaia* - создавать, порождать) ятрогениями называют болезни, порожденные врачом. В течение длительного времени ятрогенные патологии связывали с последствиями неправильного психологического контакта врача и больного в виде возникновения или усугубления заболевания пациента. Н. В. Эльштейн указывал, что под ятрогениями понимают "нарушения психогенного характера в состоянии здоровья, возникающие как следствие (или неправильное толкование) слов, поведения и действий врача или других медицинских работников".

Таким образом, в медицине ятрогенные заболевания, это заболевания «обусловленные неосторожными высказываниями или поступками врача (или другого лица из числа медицинского персонала), неблагоприятно воздействующими на психику больного» [7, с. 385].

Согласно международной классификации болезней (МКБ - 10) под ятрогениями понимаются любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических, лечебных вмешательств или соответствующих мероприятий, которые приводят к нарушениям функций организма, инвалидности, смерти [1, с. 56].

Определение ятрогении, предложенное международной классификацией болезней (МКБ - 10) шире и нашло поддержку большинства ученых. Однако многие ученые до сих пор не могут определиться, что называть ятрогенией и куда отнести врачебную ошибку.

Ятрогении – это все неблагоприятные последствия, возникающие в результате любого медицинского вмешательства. Медицинское вмешательство бывает добросовестным, недобросовестным, умышленно преступным. Все указанные случаи, как представляется, являются ятрогенными. Не все ятрогении возникают в результате ошибок медицинских работников, поэтому к ятрогениям следует относить несчастный случай, обоснованный риск, крайняя необходимость, врачебная ошибка (противоправная и невиновная) и др.

Таким образом, врачебная ошибка - это лишь разновидность ятрогении. Ятрогения более емкое, многогранное понятие, которое включает в себя все неблагоприятные исходы врачебной деятельности.

Для юридического понимания этой проблемы необходимо четко разграничивать «врачебные ошибки» и «ятрогении» в медицине. Юридическая квалификация действий врача существенно облегчится, если выработать и юристам и медикам однозначный подход к определению понятий «врачебной ошибки» и «ятрогении». Очевидно, что понятия должны быть универсальными, однозначными и включать терминологию, соответствующую современному законодательству.

Пристатейный библиографический список

1. Автандилов Г.Г. Особенности X пересмотра Международной классификации болезней и применение ее в патологоанатомической практике. // Арх. пат., 1998, Вып. 1. С. 56.
2. Громов А.П. Права, обязанности и ответственность медицинских работников. М., 1976. С. 76.

3. Давыдовский И.В. Опыт сличения клинических и патологоанатомических диагнозов // Клиническая медицина. 1928. № 1.
4. Дагель П. Об уголовной ответственности врачей // Советская юстиция. 1964. № 19. С. 12-14.
5. Огарков И.Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л., 1966. С. 43.
6. Петленко В.П. Проблема человека в теории медицины. Киев, 1984. С. 165.
7. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах / гл. ред. Б. В. Петровский. М., Т. 1. 1982. С. 385.

СЕКЦИЯ №7. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕСТИТУЦИЯ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дубровин В.В.

К.ю.н., доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО (У) МИД России

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Интересы защиты имущественных прав лиц, потерпевших от преступлений, могут быть реализованы при помощи такого правового института, как уголовно-процессуальная реституция (далее – реституция).

Среди отечественных исследователей отсутствует единство по вопросу о том, что понимать под термином «реституция». Так, по мнению З.З. Зинатуллина, реституция представляет собой восстановление материального положения потерпевшего от преступления путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления, или их заменителей.

В.Я. Понарин предлагает понимать под реституцией восстановление в уголовном деле материального положения лица, потерпевшего от преступления, посредством возвращения ему в порядке, указанном в законе, вещественных доказательств, а при необходимости и предметов того же рода и качества или уплаты их стоимости, если это возможно без ущерба для производства по делу.

С.А. Александров считает, что реституция – возврат утраченных в результате преступления материальных ценностей, в основе которого лежит факт обнаружения последних и их поступление к органу, ведущему расследование.

Обобщая, можно выделить следующее определение реституции – восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления.

В законодательстве не содержится термина «уголовно-процессуальная реституция», но чаще всего под ней понимают возврат предметов, являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу в порядке ст. 81 УПК РФ.

В соответствии со ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления;
- на которые были направлены преступные действия;
- деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;
- иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Также указанной статьей УПК РФ установлено, что при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом, в рамках уголовно-процессуальной реституции законному владельцу возвращаются деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения

преступления, а также доходы от этого имущества либо споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, в нормах УПК о судьбе вещественных доказательств предусматривается реституция, когда вещи в отсутствие спора об их принадлежности передаются законным владельцам вне исковой процедуры.

Предметом реституции является индивидуально-определенная вещь, поскольку только она может быть объектом права собственности. Вещи, обладающие родовыми признаками, подлежат реституции на основании их индивидуализации фактом приобщения к материалам уголовного дела.

Основным условием для того, чтобы состоялась реституция, является обнаружение отчужденных ценностей, поступление их к органу предварительного расследования и их процессуальное оформление в качестве вещественных доказательств.

Следующим условием является сохранность таких отчужденных ценностей, поскольку в случае гибели вещи реституция невозможна.

Реституция является одной из наиболее оптимальных и удобных форм возмещения вреда, причиненного преступлением, поскольку потерпевший избегает ряда неблагоприятных последствий, таких как: инфляция, дефицит и другие. Реституция позволяет быстрее, чем, например, гражданский иск, восстановить нарушенное преступлением имущественное состояние потерпевшего.

Значение реституции состоит в возможности быстрого, зачастую внесудебного восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего. В противном случае, данный способ возмещения причиненного преступлением вреда утрачивает свое значение.

Реституция вещественных доказательств их законным владельцам является также одной из уголовно-процессуальных мер защиты имущественных прав потерпевших, наиболее простым способом защиты и восстановления нарушенного имущественного права потерпевших от преступления лиц.

Однако применение данного правового механизма ограничено лишь сферой определения юридической судьбы вещественных доказательств и иных предметов изъятых в рамках предварительного расследования, но не получивших статуса доказательств. При отсутствии вещественных доказательств реституция невозможна.

В соответствии с действующим законодательством реституция возможна лишь в отношении вещественных доказательств и не предполагает добровольного возврата утраченного потерпевшему лицом, совершившим преступление. Соответственно, возврату подлежит именно индивидуально-определенная вещь, а не ее идентичное подобие или ее стоимость в денежном выражении.

Данный институт носит специфический характер, поскольку позволяет восстановить нарушенное право собственности лишь в натуральном выражении.

Правовое регулирование реституции в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, как представляется, имеет весьма существенный недостаток – она носит отложенный характер, то есть возврат собственности владельцу – потерпевшему возможен только после разрешения дела.

Пристатейный библиографический список

1. Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Омск: Омская академия МВД России. 2001.
2. Волеводз А.Г., Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству США // Юридический мир. 2010. № 4.
3. Волеводз А.Г., Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству зарубежных стран // Юридический мир. 2009. № 11.
4. Воскобитова Л.А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. 2007. № 1.
5. Горелов А. Ущерб как элемент экономического преступления // «Российская юстиция». 2002. № 12.
6. Донцев С.Е., Глянцев В.В. Возмещение вреда по советскому законодательству. М. 1990.
7. Дубровин В.В. Государственная компенсация потерпевшему вреда, причиненного преступлением // Законодательство. 2010. № 11.
8. Дубровин В.В. Из истории развития правового регулирования института гражданского иска в уголовном процессе России // История государства и права. 2009. № 4.

9. Дубровин В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1.
10. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Федеративной Республики Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4.
11. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Французской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 1.
12. Дубровин В.В. Регулирование вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, в международно-правовых документах Организации объединенных наций // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1.
13. Задорина Л.В. К вопросу о реституции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2006.
14. Зимин О.В, Гребнев Д.Ю. Проблемные вопросы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // «Российская юстиция». 2007. № 3.
15. Зинатуллин З.З. Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба // Правоведение. 1972. № 2.
16. Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М. 1977.
17. Парфенова М.В. Реституция как форма возмещения ущерба при расследовании преступлений // Досудебное производство: проблемы и перспективы: материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М.: Московский университет МВД России, 2007.
18. Понарин В.Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. 1988. № 1.
19. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве. М., Издательство «Юрлитинформ», 2009.
20. Сенин Н.Н. Реституция в уголовном процессе // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: Региональная научно-практическая конференция. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс». 2003.

ОСМОТРЫ КАК СУДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ

Курочкина Ю.С.

EXAMINATIONS AS JUDICIAL ACTIONS OF THE INVESTIGATIVE NATURE: PROBLEMS OF APPLICATION IN PRACTICE

Kurochkina J.S.

Удмуртский государственный университет г. Ижевск
/Udmurt state University, Izhevsk/

Аннотация: Анализируются проблем, возникающих у судов при проведении в судебном следствии осмотров местности и помещения, вещественных доказательств, трупов, а также причины их возникновения приводятся доводы о необходимости детальной регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации порядка организации и проведения осмотров.

Abstract: Analyzes problems arising in courts during the trial inspection of areas and premises, evidence, bodies, and their causes are arguments about the necessity of detailed regulation in the Criminal procedure code of the Russian Federation of the order of organizing and conducting examinations.

Судебный осмотр является познавательным приемом, в основе которого лежат закономерности наглядно-образного восприятия фрагментов материального мира.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит перечень осмотров, которые можно производить в судебном следствии, это: осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ), освидетельствование (ст. 290 УПК РФ).

На практике у судов возникают проблемы при проведении судебных осмотров, вызванные следующими причинами:

1. Закрытость перечня осмотров, которые суд может проводить в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ;
2. Отсутствие законодательно закреплённых оснований для проведения осмотров в судебном следствии;
3. Отсутствие детальной регламентации порядка проведения в судебном следствии осмотра местности и помещения, осмотра вещественных доказательств;
4. Отсутствие законодательно закреплённой возможности проведения осмотра вещественных доказательств по собственной инициативе суда.

Так, например, в судебной практике нередко возникает необходимость проведения осмотров, не предусмотренных закрытым перечнем осмотров, предусмотренных УПК РФ для судебного следствия. Кузин Е.Б. в статье «К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера» приводит примеры судебной практики рассмотрения уголовных дел с проведением в ходе судебного следствия эксгумации и осмотра трупа [7]. Проведение судом осмотра трупа в ходе судебного следствия обеспечивает назначение уголовного судопроизводства, достижения цели уголовного судопроизводства, обеспечения прав участников уголовного судопроизводства по представлению доказательств.

В то же время проведение судом осмотра трупа, не предусмотренного в УПК РФ для судебного следствия, влечет за собой формирование недопустимого доказательства.

Учитывая наличие потребности в судебном действии и отсутствии законной возможности его реализации, предлагаем дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьей 290.1 «Осмотр трупа. Эксгумация» следующего содержания:

- «1. Осмотр трупа производится судом с участием сторон и судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты.
2. При необходимости извлечения трупа из места захоронения суд выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Постановление суда обязательно для администрации соответствующего места захоронения.
3. Расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном статьей 131 настоящего Кодекса».

При регламентации осмотра вещественных доказательств, осмотра местности и помещения, Уголовно-процессуальный кодекс РФ не перечисляет оснований для их производства в судебном следствии. Можно ли в данном случае руководствоваться основаниями для проведения осмотров в досудебном производстве, перечисленными в статье 176 УПК РФ «Основания производства осмотров?»

Полагаем, для этого необходима (как минимум) ссылка на эти основания в статьях, регулирующих осмотры в судебных действиях, как, например, в статье 290 УПК РФ «Освидетельствование» закреплена ссылка на ст. 179 УПК РФ «Освидетельствование» в досудебном производстве. В противном случае отсутствие законодательно закреплённых оснований для проведения осмотров влечет за собой незаконность их проведения и, как следствие, недопустимости полученного доказательства.

Основания для проведения осмотров как на стадии досудебного производства, так и в стадии судебного следствия могут совпадать. Однако, как показывает судебная практика, осмотры в судебном следствии проводятся, чаще не в целях обнаружения следов преступления, а в целях выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, таких как: устранение неясностей, возникших по поводу конкретных деталей обстановки, исследование новых обстоятельств дела, выявившихся в суде, или обстоятельств, существовавших, но не выявленных при осмотре в ходе предварительного следствия и т.д. Стороны по уголовному делу вправе представлять свои доказательства вплоть до окончания судебного следствия, а обязанность суда заключается в обеспечении реализации данного права. Особенно важна реализация данных прав участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел частного обвинения, по которым досудебное производство не производилось.

Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении В. и Д. по ст.116 ч.1 УК РФ в 2015 году в судебном участке № 1 Очерского судебного района подсудимыми была предоставлена флэш-карта с видеозаписью с места происшествия в момент совершения преступления. Поскольку содержание

видеозаписи имело непосредственное значение для рассматриваемого уголовного дела, судом было вынесено постановление об исследовании видеозаписи в судебном заседании [2].

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ детально не регламентирован порядок проведения в судебном следствии осмотра местности и помещения, осмотра вещественных доказательств. Поскольку все действия, производимые судом, должны строго соответствовать требованиям УПК РФ, а любой произвол в действиях участников судопроизводства, в том числе и суда, исключается, на практике у судов возникает масса вопросов о том, как провести осмотр местности и помещения, не нарушив требований уголовно-процессуального законодательства.

Так, например, при рассмотрении уголовного дела мировым судьей судебного участка № 111 Очерского муниципального района Пермского края в отношении М. по ст. 158 ч.1 УК РФ в 2014 году - в связи с тем, что украденное имущество не было осмотрено следователем и приобщено в качестве вещественного доказательства, по ходатайству государственного обвинителя, постановлено произвести осмотр указанного имущества на территории металлоприемки [3]. При проведении осмотра у суда возникли закономерные вопросы: Как обеспечить гласность судебного заседания? Как и на чем транспортировать на место осмотра всех участников процесса и слушателей? Кто и как должен производить фотографирование вещественных доказательств, где взять фотоаппарат? Кто должен оформить схему места расположения вещественных доказательств, будет ли она являться приложением к протоколу судебного заседания? Обязан ли суд обеспечить сохранность данного вещественного доказательства путем вынесения постановления о передаче вещественных доказательств на ответственное хранение либо изъятии их с места осмотра? Следует ли выяснить у участников процесса наличие замечаний по проведенному осмотру?

При рассмотрении уголовного дела судебным участком № 145 Очерского муниципального района Пермского края в отношении К. по ст. 116 ч.2 п. «а» УК РФ судом было удовлетворено ходатайство стороны защиты о приобщении к материалам дела и осмотре в судебном заседании пули, извлеченной из ноги подсудимого [4]. При осмотре пули возникли вопросы: Нужно ли привлекать специалиста для проведения осмотра? Нужно ли после осмотра упаковывать и опечатывать данную пулю, кто и каким образом это должен сделать? Уголовно-процессуальный кодекс РФ на эти вопросы не отвечает.

Осмотр вещественных доказательств в ходе судебного следствия в силу положений ч.1 ст. 284 УПК РФ допускает возможность его производства только при наличии ходатайства сторон. По мнению Россинского С.Б. «подобное положение вызывает явное недоумение, поскольку не только ограничивает возможность познавательной активности суда, но и фактически лишает его части властно-распорядительных полномочий» [10]. За возможность судебного осмотра вещественных доказательств по собственной инициативе суда высказываются также такие ученые, как Воскобитова Л.А. [1], Кузин Е.Б. [6], Кириллова Н.П. [5].

Соглашаясь с мнением вышеуказанных авторов научных статей, хотелось бы отметить, что Конституционный суд РФ в определении № 1165-О-О от 13.10.2009г. отмечает, что положения ч.1 ст.284 УПК РФ не исключают производства осмотра вещественных доказательств по инициативе суда [8]. Правоприменительная практика судов свидетельствует о том, что суды фактически производят осмотры вещественных доказательств по собственной инициативе [9].

Статья 291 УПК РСФСР не только допускала, но и обязывала производить осмотры вещественных доказательств, как по инициативе суда, так и по ходатайству участников уголовного процесса.

Таким образом, в настоящее время имеется острая необходимость внесения изменений в статью 281 УПК РФ. Вариант новой редакции статьи 281 УПК РФ, предложенный Россинским С.Б. [10], представляется нам наиболее приемлемым и обоснованным.

Резюмируя всё вышеизложенное, мы полагаем, что перечисленные в настоящей статье проблемные вопросы, возникающие в судебной практике при производстве осмотров, могут быть решены путем:

- детальной регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе РФ: порядка организации и проведения осмотров; порядка обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки вещественных доказательств при проведении осмотра; субъектного состава участников осмотра;

- внесения изменений и дополнений в нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, позволяющие увеличить возможности познавательной активности суда при производстве осмотров с целью наиболее полного, всестороннего и объективного рассмотрения уголовного дела.

Список литературы

1. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук//М.: МГЮА, 2004.с.341;
2. Из собственной судебной практики. Архив судебного участка № 1 Очерского судебного района Пермского края. Дело № 1-80/2015;
3. Из собственной судебной практики. Архив судебного участка № 111 Очерского муниципального района Пермского края. Дело № 1-69/2014;
4. Из собственной судебной практики. Архив судебного участка № 145 Очерского муниципального района Пермского края. Дело № 1-8/2015;
5. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел//СПб.: Юридический факультет СПбГУ, 2007. С. 214-215;
6. Кузин Е.Б. К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера//Вестник ЮУрГУ. № 27. 2011;
7. Кузин Е.Б. Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук//Челябинск: ЮУрГУ, 2011. С.118;
8. Определение Конституционного суда РФ № 1165-О-О от 13.10.2009г.// http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_7609.htm;
9. Плашевская А.А. Собираение судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России. Диссертация на соискание ученой степени кандидат юридических наук//Томск: Томский госуниверситет, 2006. С.131;
10. Россинский С.Б. Судебный осмотр вещественных доказательств и иных предметов как «невербальный» прием познания обстоятельств уголовного дела//<http://отрасли-права.рф/article/4618>;
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации//М. ЭКСМО. 2015;
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР// <http://zakonbase.ru/content/base/5>.

СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Усачев А.А., Котлярова Л.Н.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Одним из наиболее сложных и значимых видов (направлений) правоохранительной деятельности является деятельность по выявлению и расследованию преступлений, путем осуществления которой обеспечивается защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. Сложность осуществления данной деятельности обусловлена следующими нередко наблюдаемыми на практике факторами: 1) тщательная подготовка лица к совершению преступления; 2) совершение деяний, запрещенных уголовным законом, в отсутствие очевидцев; 3) принятие виновными мер по сокрытию следов преступления (уничтожению возможных доказательств); 4) противодействие выявлению и расследованию преступлений (путем угроз очевидцам преступления и пострадавшим от преступления лицам, установления незаконных контактов с сотрудниками органов выявления и расследования преступлений в целях получения информации о ходе расследования, влияния на ход расследования и т.д.).

В рамках деятельности по выявлению и расследованию преступлений осуществляются оперативно-розыскная деятельность и проведение предварительного расследования.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] оперативно-розыскная деятельность представляет собой вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то данным федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения

оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Предварительное расследование, осуществляемое в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ [1], является второй досудебной стадией уголовного процесса, следующей за стадией возбуждения уголовного дела. При проведении предварительного расследования следователь (дознатель, орган дознания) в установленном уголовно-процессуальным законом порядке путем производства следственных и иных процессуальных действий устанавливает обстоятельства совершенного преступления, лицо, его совершившее, привлекает это лицо в качестве обвиняемого по уголовному делу, принимает меры по предотвращению уклонения обвиняемого от органов расследования и суда с последующим принятием решения о направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением, а в предусмотренных законом случаях — о прекращении уголовного дела [см. подробнее: 5, с. 163-165].

Как оперативно-розыскная деятельность, так и проведение предварительного расследования направлены на борьбу с преступностью, на защиту прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от преступных посягательств, то есть на достижение конституционно значимой цели, закрепленной в ст. 2 Конституции РФ. Согласно этой правовой норме человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (в том числе в лице органов выявления и расследования преступлений).

Для того, чтобы деятельность по выявлению и расследованию преступлений была эффективной, нередко необходимо обеспечить качественное взаимодействие органов предварительного расследования, с одной стороны, и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с другой. Как справедливо отмечали Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, «отрыв следственных и оперативных действий друг от друга нередко является основной причиной некачественного расследования дела или даже приостановления его за нерозыском обвиняемого и за необнаружением лица, совершившего преступление» [3, с. 65]. Приемы и методы оперативно-розыскного характера способствуют успешному производству следственных действий, а оперативные данные используются при производстве следствия в качестве ориентирующей информации [4, с. 174]. Именно при сочетании уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности возникает синергетический эффект, часто недостижимый, если соответствующие органы действуют самостоятельно. Именно поэтому, например, в ст. 14 Закона об оперативно-розыскной деятельности предусмотрено, что при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, обязаны исполнять в пределах своих полномочий поручения в письменной форме дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, принятым ими к производству.

Говоря об оперативно-розыскной деятельности и предварительном расследовании, необходимо отметить, что уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные действия выполняются в различных правовых режимах. Во-первых, следователь (дознатель) осуществляет свою деятельность средствами и методами, регулируемым уголовно-процессуальным законодательством. Оперативный работник осуществляет оперативно-розыскную деятельность в пределах, очерченных Законом об оперативно-розыскной деятельности, и применяемые им средства и методы не являются процессуальными. При этом оперативно-розыскная деятельность не так сильно ограничена рамками процедурных форм и гарантий, как предварительное расследование. Во-вторых, уголовно-процессуальные средства и методы являются гласными, поскольку прямо предусмотрены и детально регламентированы законом. Оперативно-розыскные меры в силу специфики средств и методов их осуществления носят в основном негласный разведывательный характер. В-третьих, процессуальная деятельность следователя (дознателя), в отличие от оперативно-розыскной деятельности, строго ограничена сроками, установленными УПК РФ. В-четвертых, различны результаты деятельности следователя (дознателя) и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. В ходе предварительного расследования собираются доказательства, в ходе оперативно-розыскной деятельности — сведения, не имеющие самостоятельного доказательственного значения, и могущие стать доказательствами лишь после закрепления их процессуальными средствами (ст. 89 УПК РФ). Однако у результатов оперативно-розыскной деятельности как таковых имеется важная роль: на основе оперативно-розыскной информации выдвигаются следственные версии, планируется расследование по уголовному делу, принимаются меры к розыску вещественных доказательств и скрывшихся от следствия обвиняемых, а также имущества, подлежащего аресту.

Одной из задач, решаемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2 Закона об оперативно-розыскной деятельности). В связи с этим необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном законе, в соответствии с нормами которого лицо может быть признано виновным в совершении преступления, отсутствует понятие «раскрытие преступления» (по сути, оно является сленговым, его часто используют сотрудники правоохранительных органов). Поскольку без установления лица, виновного в совершении преступления, преступление вряд ли можно считать раскрытым, а вопрос о виновности решает суд, значит, говорить о реализации задачи раскрытия преступлений в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности можно с большой долей условности. При этом органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо стараться установить максимально полную картину деяния, содержащего признаки преступления (в том числе лиц, предположительно его совершивших), а уже в ходе предварительного расследования осуществляется собирание, проверка и оценка доказательств, на основе которых будет вынесено решение суда.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965. 367 с.
4. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 638 с.
5. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 425 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АДВОКАТУРЫ КАК ПРАВОЗАЩИТНОГО ИНСТИТУТА

Усачев А.А., Котлярова Л.Н.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Предыстория российской адвокатуры начинается в 15 веке. Согласно Псковской и Новгородской судебным грамотам обязанности судебных представителей сторон могли исполнять как их родственники, так и все иные правоспособные граждане (за исключением состоявших на службе и облеченных властью). Из представителей, осуществлявших обязанности на платной основе, впоследствии начал формироваться институт профессиональных поверенных [3, с. 9-10].

Благодаря судебной реформе 1860-х годов создается адвокатура в виде самоуправляемого института присяжных поверенных, подконтрольного судебной власти (Учреждение Судебных установлений от 20 ноября 1864 г.). В соответствии со ст. 353 и 354 Учреждения, присяжные поверенные состояли при судебных местах. В 1874 г. был учрежден институт частных поверенных, которым для участия в производстве по делу необходимо было получить специальное свидетельство, выдававшееся судом.

Октябрьская революция 1917 года ликвидировала все органы старой власти, сломала прежнюю судебную систему России. Декрет СНК РСФСР «О суде», опубликованный 24 ноября 1917 года и вошедший в историю под названием «Декрет о суде № 1», упразднил всю действовавшую в дореволюционной России систему общих и специальных судов, прокуратуру, следственный аппарат, «институты присяжной и частной адвокатуры». В соответствии со ст. 3 Декрета вместо присяжных и частных поверенных «В роли ... защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенными», допускались «все [выделено нами – А.У., Л.К.] неопороченные граждане обоего пола,

пользующиеся гражданскими правами». Можно сказать, что Декрет о суде № 1 воспроизводил модель, закрепленную в Псковской и Новгородской судебных грамотах.

Декретом о суде от 7 марта 1918 г. № 2 предусматривалось создание при Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов (то есть при коллегиальных органах публичной власти) коллегии «лиц, посвящающих себя правозащитничеству как в форме *общественного* обвинения, так и *общественной* защиты» (ст. 24 Декрета) [текст курсивом выделен нами – А.У., Л.К.].

Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» реформировал институт правозащитничества. Так, в соответствии со ст. 40 Декрета при «Уездных Исполнительных Комитетах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и при Губернских Исполнительных Комитетах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов» учреждались коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе в целях «содействия Суду в деле наиболее полного освещения всех обстоятельств, касающихся обвиняемого или интересов сторон, участвующих в гражданском процессе».

Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» ликвидировал коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе, установив, что в качестве защитников привлекаются судебными органами граждане, способные исполнять эту обязанность (ст. 43 Декрета; лишь при «недостатке защитников из числа лиц, указанных в ст. 43, в качестве таковых привлекаются консультанты, состоящие при Отделах Юстиции»). В качестве представителей сторон в гражданском процессе допускались: 1) ближайшие родственники тяжущихся: родители, дети, супруги, братья и сестры и 2) консультанты и представители Советских учреждений по уполномочию руководящих органов (ст. 49).

Первые годы советской власти в России бушевала гражданская война, понятия «законность» и «правопорядок» к этому периоду времени применимы с очень большой долей условности. Лишь к 1922 году порядок в стране начинает восстанавливаться. Начинается разработка и принятие нормативных правовых актов, регулирующих все сферы общественной жизни. 5 июля 1922 г. Наркомюстом РСФСР утверждается Положение о коллегии защитников. В соответствии с ним происходит определенный возврат к модели организации адвокатуры 1864 г.: при судах создаются коллегии защитников, члены которых «ведут дела в судебных органах в пределах соответствующей губернии или области как по поручению заинтересованных лиц и учреждений, так и по назначению президиума коллегии» (ст. 1). Прием в члены коллегии осуществлялся самой коллегией с уведомлением об этом губернского исполкома, имевшего право отвода.

Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик от 29 октября 1924 г. устанавливали, что коллегии защитников «обладают правом дисциплинарного надзора за действиями своих членов и организуются на началах самопополнения под контролем губернских (областных) исполнительных комитетов» (ст. 17).

16 августа 1939 г. СНК СССР своим постановлением № 1219 утвердил Положение об адвокатуре СССР. В соответствии с ним образовывались областные, краевые и республиканские коллегии адвокатов, руководство деятельностью которых осуществлялось Народным комиссариатом юстиции СССР через народные комиссариаты юстиции союзных республик и управления НКЮ союзных республик при областных и краевых советах депутатов трудящихся. Прием в члены коллегии адвокатов производился президиумом коллегии адвокатов, при этом Народный комиссар юстиции СССР и Народный комиссар юстиции союзной республики имели право отвода принятых в коллегию адвокатов.

Для организации работы членов коллегии адвокатов в районных центрах и городах области (края, республики) создавались юридические консультации, состав и местонахождение которых устанавливались президиумом коллегии адвокатов в соответствии с планом, утверждаемым НКЮ союзной (автономной) республики. Юридической консультацией руководил заведующий, который назначался президиумом коллегии адвокатов и нес перед ним ответственность за работу консультации. На заведующего консультацией возлагалось распределение дел между адвокатами, установление размера платы за юридическую помощь в соответствии с таксой и контроль за качеством работы адвоката.

Оплата юридической помощи осуществлялась в соответствии с тарифами, устанавливаемыми Народным комиссариатом юстиции СССР.

Статья 161 Конституции (Основного Закона) СССР 1977 г. на конституционном уровне закрепляла правовой статус адвокатуры, устанавливая, что коллегии адвокатов действуют для оказания юридической помощи гражданам и организациям.

Произошедшее в начале 1990-х годов изменение политической и экономической системы государства, конституционное провозглашение принципа правового социального государства повлекли изменение форм и методов деятельности правовых институтов, связанных с защитой прав и законных интересов граждан, одно из главных мест среди которых занимает адвокатура. Принятие федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1], в котором впервые в отечественном законодательстве были закреплены определения понятий «адвокатура» и «адвокатская деятельность», ознаменовало собой новый этап в развитии отечественной адвокатуры.

Если в советский период времени адвокатура по сути являлась государственным институтом, то в соответствии с Законом об адвокатуре она представляет собой профессиональное сообщество адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 3). Предназначением адвокатуры является оказание квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (ч. 1 ст. 1 Закона об адвокатуре).

Учитывая, что адвокатура не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления, отношения между ней и государством должны строиться как отношения равноправных субъектов.

Особенностью адвокатуры является ее частно-публичная природа. Как отмечается в п. 4 постановления Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов», адвокаты, на которых возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), гарантируя тем самым право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, что вытекает из ст. 45 (ч. 1) и 48 Конституции РФ, осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер [2].

В целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности органы государственной власти обеспечивают гарантии независимости адвокатуры, осуществляют финансирование деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам РФ бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, а также при необходимости выделяют адвокатским образованиям служебные помещения и средства связи (ч. 3 ст. 3 Закона об адвокатуре).

Таким образом, деятельность адвокатуры отвечает как интересам конкретного гражданина, организации, так и публичным интересам общества и государства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 3. Ст. 353.
3. Кучерена А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России: Монография. — М.: ЮРКОМПАНИ, 2009. — 434 с.

**СЕКЦИЯ №8.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

**СЕКЦИЯ №9.
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР,
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ**

Рубцова М.В.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Проведенная административная реформа привнесла в систему административного права новый правовой институт - институт административных регламентов федеральных органов исполнительной власти[1]. До проведения реформы не существовало единых стандартов для сферы государственных услуг. Минэкономразвития России провело полную инвентаризацию подлежащих регламентации государственных услуг, предоставляемых гражданам и предпринимателям федеральными органами исполнительной власти. Перечень государственных услуг и функций содержит более 600 государственных услуг федеральных органов власти, сведения о предоставлении которых легли в основу информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)» (ФРГУ). На основании информации из ФРГУ работает Единый портал государственных и муниципальных услуг gosuslugi.ru. Органами государственной власти осуществляется совершенствование качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг, вносятся изменения в административные регламенты. Например, вносятся изменения о снижении показателя максимального срока ожидания в очереди при подаче документов в орган государственной власти до 15 минут, включаются требования к обеспечению условий доступности для инвалидов объектов, в которых предоставляются государственные и муниципальные услуги. В настоящее время федеральными органами исполнительной власти утверждено в установленном порядке более 500 административных регламентов, выше 16400 административных регламентов утверждено на региональном, более 93100 – на местном уровне. Все административные регламенты проходят экспертизу Минэкономразвития России, а также независимую экспертизу. Также Минэкономразвития России организован регулярный независимый мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг. Прежде всего, Минэкономразвития России проверяет соблюдение закрепленных в административных регламентах стандартов предоставления государственных услуг.[2] Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее - Федеральный закон № 210-ФЗ) утверждено, что органы, предоставляющие государственные и муниципальные услуги, обязаны предоставлять их в соответствии с административными регламентами. За нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг предусмотрена административная ответственность, установленная ст. 5.63. КоАП РФ[3](Нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг). Полномочия возбуждать дела об административных правонарушениях по данной статье КоАП РФ отнесены к исключительной компетенции прокурора. Органы прокуратуры, осуществляющие надзор в сфере регламентации оказания государственных услуг проверяют наличие административного регламента, а также на соответствие Федеральному закону № 210-ФЗ. При этом необходимо отметить, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. В соответствии с Федеральным законом № 210-ФЗ административный регламент - нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги (ст.2). В ходе осуществления прокурорского надзора в данной сфере правовых отношений проверяют соблюдение, установленных требований к административным регламентам главой 3 Федерального закона № 210-ФЗ, а также Правил о разработке и утверждении регламентов, установленных

Правительством Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» утверждены Правила: разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг; проведения экспертизы проектов административных регламентов предоставления государственных услуг. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 852 «Об утверждении Правил использования усиленной квалифицированной электронной подписи при обращении за получением государственных и муниципальных услуг и о внесении изменения в Правила разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг» утверждены Правила, регулирующие порядок использования усиленной квалифицированной электронной подписи физическими и юридическими лицами при обращении за получением государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Практически во всех регионах прокурорами выявлялись принятые административные регламенты предоставления услуг не соответствующие действующему законодательству в нарушение ст.12-14 Федерального закона № 210-ФЗ. Имелись многочисленные нарушения закона, связанные как с принятием органами местного самоуправления административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг, которые не соответствуют требованиям действующего законодательства, так и с неприведением таких правовых актов в соответствие с изменениями законодательства. Типичными нарушениями Федерального закона № 210-ФЗ, допускаемыми при принятии административных регламентов оказания государственных и муниципальных услуг, являются: несоблюдение структуры регламента, в том числе, отсутствие в административных регламентах обязательных для включения в них разделов (например, раздела, определяющего стандарт предоставления муниципальной услуги и т.п.); наличие положений, обязывающих заявителя предоставлять документы, не предусмотренные законодательством; отсутствие оснований для отказа в предоставлении муниципальной услуги. К примеру, Прокуратурой Уярского района выявлены многочисленные нарушения, выразившиеся в том, что приведенный в административных регламентах перечень документов, подаваемых заявителем для получения услуг, связанных с предоставлением земельных участков, не соответствует Перечню документов, необходимых для приобретения прав на земельный участок, утвержденному приказом Минэкономразвития Российской Федерации от 13.09.2011 № 475. Имелись незаконные положения административных регламентов о предоставлении муниципальных услуг, возлагающие на заявителей обязанность по предоставлению документов, запрашиваемых в порядке межведомственного взаимодействия выявлены также прокурорами г.г. Красноярска, Сосновоборска, Дивногорска, Нижнеингашского, Кежемского, Каратузского, Тюхтетского, Партизанского районов края, Канским, Боготольским, Ачинским межрайонными прокурорами. В то же время имелись случаи широкого толкования органами местного самоуправления вопросов межведомственного взаимодействия. Так, в Каратузском районе установлено, что административным регламентом оказания услуги по переводу жилого помещения в нежилое предусмотрена обязанность администрации самостоятельно запрашивать подготовленный и оформленный в установленном порядке проект переустройства или перепланировки переводимого помещения, тогда как данный документ вправе представить лишь сам заявитель. Прокурором г. Бородино при проверке административных регламентов установлено, что в нарушение ч. 3 ст. 1, п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 210-ФЗ, п. 74 Распоряжения Правительства Российской Федерации от 25.04.2011 № 729-р административный регламент по предоставлению муниципальной услуги «Выдача документов (справки об отсутствии задолженности, справки о начислении жилищно-коммунальных услуг, справки о нормативе района[4]. Основанием для прокурорского вмешательства послужило наличие в них норм, противоречащих Федеральному закону № 210-ФЗ. Прокурорами выявлялись противоречащие федеральному законодательству, содержащие коррупциогенные факторы нормативные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления в указанной сфере, изданные в форме административных регламентов. Административный регламент предоставления государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности в Архангельской области и Ненецком автономном округе в части сроков предоставления лицензии, форм документов, предоставляемых соискателем лицензии, размеров подлежащей уплате государственной пошлины за выдачу лицензии, противоречил федеральному законодательству. В администрации МО «Попонаволоцкое» из утвержденного перечня муниципальных услуг из 27 наименований отсутствовали административные регламенты на предоставление 19 муниципальных услуг[5]. Мерами прокурорского воздействия существенно улучшено состояние законности в сфере предоставления предпринимателям государственных и муниципальных услуг. В результате принятых прокурорами правовых решений

виновные должностные лица привлекаются к установленной законодательством ответственности и освобождаются от занимаемых должностей[6].

Список литературы

1. См.: Рогачева О.С. От административных регламентов к административным процедурам: постановка задачи и пути ее практической реализации // Административное право и процесс. 2013. № 6. С.- 48.
- 2.URL:http://ar.gov.ru/gos_uslugi_03_rekom_okazaniya_gos_uslug/index.html (Дата обращения: 21.07.2017).
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
4. URL: <http://www.krasproc.ru/news/krsk/11628> (Дата обращения: 21.07.2017).
- 5.URL: http://www.severodvinska.net/news/21514-bolee_170_narushenii_v_sfere_gosuslug_vivila_prokuratura_arhangel'skoi_oblasti.htm (Дата обращения: 21.07.2017).
6. Паламарчук А.В., Сеченова Р.Р., Зимин В.П. Деятельность органов прокуратуры России вне уголовно-правовой сферы. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2013. С-96.

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

О ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВАЛЮТНОЙ СФЕРОЙ РОССИИ

Александров А. А.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

Мы живем в период такого развития мирового сообщества, при котором происходят всевозможные процессы глобализации и различное взаимодействие стран друг с другом во всех сферах общественной жизни. Не остается в стороне и экономическая сфера. Разные страны, и Россия в том числе, а также международные организации, вступают друг с другом в разнородные взаимоотношения в плане экономического сотрудничества и экономической помощи.

Одной из составных частей экономических отношений являются валютные отношения, которые играют очень важную роль в международном сотрудничестве. Кроме того, отмечается активное влияние международных валютных отношений и на национальную экономику. Однако, для того, чтобы государство могло эффективно осуществлять валютную политику, оно должно обладать строго упорядоченным государственным аппаратом.

В настоящее время Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ "О валютном регулировании и валютном контроле" закрепляет достаточно сложную и противоречивую систему субъектов, имеющих контрольно – надзорные и регулятивные полномочия в валютной сфере. В соответствии с этим законом в Российской Федерации существуют органы валютного регулирования, а также органы и агенты валютного контроля. В соответствии с ч. 1 ст. 5 упомянутого Федерального закона в качестве органов валютного регулирования поименованы Правительство РФ и Центральный банк РФ. Эти же государственные структуры названы, наряду с иными органами и агентами, органами валютного контроля. Иными органами валютного контроля являются Федеральная налоговая и Федеральная таможенная службы, к которым в соответствии с Указом Президента РФ от 02.02.2016 N 41 "О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере" были переданы соответствующие полномочия от упраздненной Федеральной службы финансово-бюджетного надзора.

Однако, существующая система указанных органов порождает неопределенность, так как термины «регулирование» и «контроль» носят разное значение. Так, под валютным регулированием понимается

комплекс законодательных, административных, экономических и организационных мер, осуществляемых государственными органами и направленных на:

1. Создание и обеспечение функционирования органов валютного регулирования и валютного контроля;
2. Установление и реализацию определенного порядка проведения операций с валютными ценностями на внутреннем валютном рынке;
3. Установление порядка перемещения валютных ценностей за пределы государства или на его территорию из-за рубежа и режима осуществления иностранных инвестиций;
4. Обеспечение и защиту имущественных прав на валютные ценности;
5. Регламентацию международных расчетов;
6. Поддержание стабильного курса национальной валюты и национального платежного баланса;
7. Обеспечение желательного режима взаимодействия страны с мировым валютным рынком.

Термин «валютный контроль» имеет следующее значение: это одна из функций системы управления, представляющая собой деятельность органов государственной власти, а также иных уполномоченных субъектов валютных отношений, именуемых органами и агентами валютного контроля, направленная на наблюдение за соблюдением подчиненными и неподчиненными субъектами правовых норм в сфере осуществления валютных операций и иных действий в отношении валютных ценностей, и принятие на основе этого наблюдения управленчески значимых решений.

Иначе говоря, валютное регулирование предполагает создание нормативной базы, необходимой для регламентации порядка осуществления валютных операций, осуществления валютного контроля и реализации валютной политики в целом, а валютный контроль, в свою очередь, связан с непосредственным наблюдением за полнотой и правильностью реализации валютной политики и принятием конкретных мер предупредительного, ограничительного и пресекающего характера в случае обнаружения нарушений валютного законодательства.

Указом Президента РФ от 09.03.2004 N 314 "О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти" в качестве органов по контролю и надзору названы только Федеральные службы, что порождает несоответствие между законодательным и подзаконным регулированием.

При этом, в законе «О валютном регулировании и валютном контроле» ничего не сказано про Министерство финансов РФ, хотя, согласно Положению о нем, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 N 329, этот федеральный орган исполнительной власти осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в том числе и в валютной сфере.

Необходимо отметить, что в ряде развитых зарубежных стран к числу органов, имеющих властные полномочия в сфере валютного регулирования и валютного контроля относятся, например: Министерство финансов США и Федеральная резервная система США; Министерство финансов Японии и Банк Японии; Правительство Великобритании, Министерство финансов Великобритании и Банк Англии; Европейский Центральный банк и соответствующие Центральные банки Европейских государств, входящих в состав Европейского союза.

Таким образом, учитывая зарубежный опыт валютного регулирования, а также особенности отечественной государственно-властной деятельности, наиболее эффективным способом решения проблемы сложности, противоречивости и разрозненности органов валютного регулирования и валютного контроля и их полномочий, было бы закрепление в валютном законодательстве следующего перечня указанных органов: к органам валютного регулирования следовало бы относить Министерство финансов РФ, а к органам валютного контроля – Федеральную налоговую и Федеральную таможенную службы, а также Центральный банк РФ в части осуществления контроля за реализацией валютной политики агентами валютного контроля.

Список литературы

1. Банк Японии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка Японии. – Электрон. дан. – URL: <https://www.boj.or.jp/index.html/> (дата обращения 18.07.2017)
2. Валютное регулирование и валютный контроль : учеб. пособие / В. Е. Понаморенко. – 2-е изд., стер. – М. : Издательство «Омега-Л», 2013. – 303 с. : ил. – (Библиотека высшей школы).

3. Министерство финансов США [Электронный ресурс] // официальный сайт Министерства финансов США. – Электрон. дан. – URL: <https://www.treasury.gov/Pages/default.aspx> (дата обращения 18.07.2017)

4. О банке Англии [Электронный ресурс] // закон Великобритании от 23 апреля 1998 г. по состоянию на 2016 г. – Электрон. дан. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/11/contents> (дата обращения 19.07.2017).

5. О министерстве финансов [Электронный ресурс] // закон Японии (по состоянию на 16 июля 2011 г.). – Электрон. дан. – URL: <http://law.e-gov.go.jp/htmldata/H11/H11HO095.html> (дата обращения 19.07.2017).

6. Federal reserve Act [Электронный ресурс] // Закон о Федеральном резерве 1913 г. (ред. от 16.08.2013). – Электрон. дан. – URL: <https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/fract.htm> (дата обращения 20.07.2017)

ВЗАМОСВЯЗЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ ДО 2030 ГОДА

Капыш В.П.

АО «Сибер» ГК «Ростех» г. Москва

В специализированном словаре экономическая безопасность рассматривается как «создаваемые государством условия, гарантирующие недопущение нанесения хозяйству страны непоправимого ущерба от внутренних и внешних экономических угроз»[2]. Сущность экономической безопасности можно определить как такое состояние экономики и институтов власти, при которых обеспечиваются гарантированная защита социально-экономических потребностей граждан и общества в целом, национальных интересов, социально направленное развитие страны, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятном условии развития внутренних и внешних процессов. Таким образом, экономическая безопасность - это не только защищённость национальных интересов, но и готовность, и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

В самом общем виде «экономическая безопасность» зависит от совокупности факторов оптимального соотношения в масштабах структур государства, состояния экономики общества, содержания института власти и культуры общественной жизни. Она понимается как многоуровневое явление: экономическая безопасность личности; экономическая безопасность субъекта хозяйствования; экономическая безопасность региона или сферы хозяйственной деятельности; экономическая безопасность страны в целом

Экономическая безопасность страны является функцией и следствием избранного политического и экономического курса, т.е. единой государственной экономической политики. Как процесс, это совокупность действий и механизмов по созданию условий, обеспечивающих устойчивое функционирование национальной экономики в настоящем и будущем.

Как считает Т.Г.Антропова: «В настоящее время российское общество нуждается в новой научной парадигме, которая в соответствии с вызовами постиндустриальной экономики в условиях посткризисного развития представит качественно новую трактовку принципов институционального проектирования системы национальной безопасности и ее атрибутивного элемента - системы экономической безопасности»[1]. Во многом новая конструкция системы экономической безопасности заложена в принятой недавно Стратегии экономической безопасности России до 2030 года [3].

Сегодняшнее состояние экономики, оценка негативных последствий принимаемых политических и хозяйственных решений, в том числе по реформированию и перестройке, выявление причинно-следственных связей кризисных явлений обусловили рассмотрение факторов экономической безопасности в рамках государственной экономической политики.

Стратегия экономической безопасности и государственная экономическая политика - должны находиться в постоянной взаимозависимости и взаимодействии друг с другом. С одной стороны, стратегия экономической безопасности является частью экономической политики так как отражает ее стратегические ориентиры, цель регулируемой макроэкономической системы. С другой стороны, оценка

количественных параметров, характеризующие потенциальное состояние экономики, определяют запреты и ограничения по использованию тех методов проведения экономической политики, итоги реализации которых способны снизить уровень экономической безопасности.

В настоящий момент принцип обеспечения безопасности только с использованием силовых методов или угрозы их применения, возможно, будет уступать по своей результативности социальным, научно-техническим, политическим, информационным и, особо подчеркнем, экономическим методам. Они способствуют обеспечению динамики и гуманизма прогресса как способ существования и совершенствования.

К наиболее серьезным угрозам обеспечения экономической безопасности России это возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов России, что должно стимулировать деятельность регионального сектора экономики. Объективно существующие различия в уровне регионов, наличие депрессивных, кризисных и отсталых в экономическом отношении районов на фоне структурных сдвигов в промышленном производстве, нарушение производственно-технических связей между предприятиями городов России, увеличение разрыва в уровне производств национального дохода на душу населения между отдельными субъектами РФ требует новых подходов к экономической безопасности хозяйственной деятельности, радикально новых идей, решений, организационных структур и механизмов ее обеспечения. Несомненно направления по обеспечению экономической безопасности должны учитываться при подготовке проектов федеральных и региональных бюджетов, основополагающих решений, касающихся политической и хозяйственной активности, в области финансово-кредитной и денежной политики.

Новая государственная стратегия в области обеспечения экономической безопасности России ориентирована, прежде всего, на поддержание достаточного уровня производственного, научно-технического потенциала, недопущение снижения уровня жизни населения до предельных значений, что способно вызвать социальную напряженность, предотвращение конфликтов между отдельными слоями и группами населения, отдельными нациями и народностями. Стратегия экономической безопасности привязана к реальному времени (до 2030 года) и должна стать ориентиром при принятии важнейших политических и экономических решений. В связи с этим некоторые важные положения государственной деятельности по обеспечению экономической безопасности должны осуществляться в процессе разработки проектов прогноза социально-экономического развития России и государственного бюджета на каждый последующий год. Реализация Стратегии осуществляется в два этапа: на первом этапе (до 2019 года) — разработка и реализация мер организационного, нормативно-правового и методического характера в целях обеспечения экономической безопасности, совершенствование механизмов мониторинга и оценки ее состояния; второй этап (до 2030 года) — выполнение мер по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности.

Правительству России поручено в 3-месячный срок разработать меры организационного, нормативно-правового и методического характера, необходимые для реализации Стратегии экономической безопасности на период до 2030 года, и обеспечить их выполнение.

Необходимо учесть, что понятие «экономическая безопасность», хорошо известное в практике деятельности управленческих структур зарубежных стран, но является относительно новым в лексиконе российских органов управления экономикой, что требует дальнейшей популяризации данного термина в контексте обеспечения государственной экономической политики.

Список литературы

1. Антропова Т.Г. Автореферат диссертации на соискание степени д.э.н. "Институционализация системы экономической безопасности современного российского государства". - Казань.2010.
2. Райзберг Б.А., Лазовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2012.
3. Стратегия экономической безопасности России до 2030 года Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года N 208.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПОЛИЦИЕЙ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЗМОЖНОГО НАСТУПЛЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ УГРОЗЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

1 Николаев А.Г., 2 Пестов Н.Н.

1 к.ю.н, доцент, **2** к.ю.н.

Академия управления МВД России, г. Москва

Аннотация: Данная научная статья посвящена принудительным мерам административного предупреждения, реализуемым в деятельности подразделений полиции, участвующих в охране общественного порядка. Дается классификация рассматриваемых мер по различным основаниям и особенности их применения с учетом вида.

Ключевые слова: государственное принуждение, административное право, административная деятельность полиции МВД России, административно-предупредительные меры принуждения, органы внутренних дел, полиция.

По мнению авторов под принудительными мерами административного предупреждения понимаются - установленные законом способы, приемы и действия, направленные на вторжение в сферу конституционных прав и свобод граждан, ориентированные на выявление и устранение нарушений норм права, регламентирующих общественные отношения в сфере безопасности, и ее составляющих: обеспечения безопасности личности, общественной безопасности и правопорядка, путем предупреждения (исключение возможности совершения) правонарушений, а также на минимизацию вреда, который может быть причинен в результате противоправного поведения контролируемого субъекта, как в повседневной деятельности полиции, так и при установлении различных правовых режимов[7, С.25-26.].

Основанием для применения рассматриваемой группы принудительных мер является наличие потенциальной или реально существующей угрозы безопасности отдельных лиц, угрозы общественной безопасности, а также наличие потенциальной угрозы нарушения правопорядка в какой-либо сфере жизнедеятельности, т.е. наступление особых, установленных законодательством условий, как связанных, так и не связанных с противоправным поведением лица, к которому применяются данные меры.

Данные меры по целям применения можно подразделить на две подгруппы: 1) меры, применяемые при возникновении угрозы общественной безопасности и безопасности личности для предотвращения возможного наступления вреда; 2) меры, применяемые в отношении лиц, совершивших противоправное деяние, в целях предупреждения[10, С.41-45.] совершения ими новых правонарушений. *Применение мер первой подгруппы* чаще всего связано не с фактом правонарушения, а с возникновением угрозы общественным или личным интересам, причинения вреда в результате стихийного бедствия, действий психически больных и т.д. и направлено на обеспечение общественной безопасности и безопасности личности. Применение принудительных мер административного предупреждения рассчитано, как правило, для неопределенного круга лиц. *В состав этой подгруппы входят следующие меры:*

1. *Оцепление (блокирование) участков местности.* В соответствии со ст. 16 «Оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, строений и других объектов» ФЗ «О полиции» полиция защищает право каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, свободно передвигаться. Ограничение полицией свободы передвижения граждан допускается только в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Полиция имеет право проводить по решению руководителя территориального органа или лица, его замещающего, оцепление (блокирование) участков местности: при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций, при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и (или) эпизоотий; при проведении мероприятий по предупреждению и пресечению массовых беспорядков и иных действий, нарушающих права и свободы граждан, движение транспорта, работу средств связи и организаций; при розыске лиц, совершивших побег из-под стражи, и лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания; при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления; при проведении контртеррористической операции, проверке сведений об обнаружении взрывчатых веществ или взрывных устройств либо ядовитых или радиоактивных веществ.

При оцеплении (блокировании) участков местности может быть ограничено или запрещено движение транспорта и пешеходов, если это необходимо для обеспечения безопасности граждан и общественного порядка, проведения следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, охраны места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия, а также для защиты объектов собственности, которым угрожает опасность. Оцепление (блокирование) может осуществляться также в отношении жилых помещений, строений и иных объектов, принадлежащих гражданам и организациям, если это необходимо для предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, которые не могут быть защищены иным способом. При осуществлении выше указанных действий полиция принимает меры по обеспечению нормальной жизнедеятельности населения, разъясняет гражданам наиболее удобные в создавшейся обстановке маршруты передвижения.

2. *Временное ограничение или запрещение движения транспорта и пешеходов.* В соответствии с п. 20 ст. 12 ФЗ «О полиции» полиции предоставлено право «временно ограничивать или запрещать дорожное движение, изменять организацию движения на отдельных участках дорог при проведении публичных и массовых мероприятий и в иных случаях в целях создания необходимых условий для безопасного движения транспортных средств и пешеходов либо если пользование транспортными средствами угрожает безопасности дорожного движения[6, 48 С.]; временно ограничивать или запрещать дорожное движение на железнодорожных переездах, не отвечающих правилам их содержания в безопасном для дорожного движения состоянии».

3. *Удаление граждан с места совершения правонарушения или происшествия* осуществляется в соответствии с п. 7 ст. 13 ФЗ «О полиции», она имеет право «требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, если это необходимо для проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, документирования обстоятельств совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельств происшествия, для сохранения следов преступления, административного правонарушения, происшествия, для обеспечения безопасности граждан; в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан не допускать их на отдельные участки местности и объекты либо обязывать оставаться на соответствующих участках местности и объектах или покинуть их; обращаться к группам граждан, нахождение которых в общественных местах не связано с проводимыми на законных основаниях публичными и массовыми мероприятиями, с требованием разойтись или перейти в другое место, если возникшее скопление граждан создает угрозу их жизни и здоровью, жизни и здоровью других граждан, объектам собственности, нарушает работу организаций, препятствует движению транспорта и пешеходов».

4. *Личный досмотр пассажиров, ручной клади и багажа на воздушном транспорте (предполетный досмотр)* производится для предотвращения незаконного провоза взрывчатых, отравляющих, легковоспламеняющихся, радиоактивных веществ, сильнодействующих ядов, оружия, боеприпасов и других опасных предметов, грузов и веществ (п. 16 ст. 13 ФЗ «О полиции»). Полиция имеет право «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан[9, С.139-143.], досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами».

Предполетный досмотр пассажиров, багажа, в том числе вещей, находящихся при пассажирах, проводится в аэропорту или на воздушном судне уполномоченными лицами служб авиационной безопасности. К участию в предполетном досмотре могут привлекаться сотрудники полиции органов внутренних дел на транспорте, (ст. 85 Воздушного кодекса Российской Федерации[2], далее – ВК РФ). При отказе пассажира воздушного судна от предполетного досмотра договор воздушной перевозки пассажира считается расторгнутым (ч.3 ст.85 ВК РФ). Правила проведения предполетного и послеполетного досмотров[5] устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области внутренних дел.

5. *Изъятие предметов, средств и веществ при отсутствии данных о наличии законных оснований для их ношения и хранения.* Сотрудники полиции обязаны «изымать у граждан и должностных . . . , а также вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, находящиеся у них без

специального разрешения, с составлением протокола и вручением его копии указанным гражданам и должностным лицам» (п. 37 ст. 12 ФЗ «О полиции»). Сотрудники полиции имеют право: «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения» (п. 16 ст. 13 ФЗ «О полиции»).

6. *Личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории.* Согласно ст. 13 п. 18 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право «осуществлять в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места». К примеру, в соответствии со ст. 24 («Применение оружия гражданами Российской Федерации») Федерального закона «Об оружии» [3] «Лицам, владеющим на законном основании оружием и имеющим право на его ношение, запрещается ношение оружия в состоянии опьянения, запрещается иметь при себе оружие во время участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетировании, религиозных обрядах и церемониях, культурно-развлекательных, спортивных и иных публичных мероприятиях, за исключением лиц, принимающих непосредственное участие в спортивных мероприятиях с использованием спортивного оружия, казаков, участвующих в собраниях казачьих обществ, религиозных обрядах и церемониях, культурно-развлекательных мероприятиях, связанных с ношением казачьей формы, лиц, участвующих в религиозных обрядах и церемониях, культурно-развлекательных мероприятиях, связанных с ношением национального костюма, в местностях, где ношение клинкового холодного оружия является принадлежностью такого костюма, а также лиц, уполномоченных организатором определенного публичного мероприятия обеспечивать общественный порядок и безопасность граждан, соблюдение законности при его проведении. Организаторы культурно-развлекательных и спортивных мероприятий вправе осуществлять временное хранение принадлежащего гражданам оружия в соответствии с настоящим Федеральным законом» (в ред. Федеральных законов от 28.12.2010 №398-ФЗ, от 21.07.2014 №227-ФЗ).

7. *Изъятие у граждан и должностных лиц документов, имеющих признаки подделки* (п. 37 ст. 12 ФЗ «О полиции»). Данная мера применяется с целью предупредить возможность использования поддельных документов их владельцами для реализации предоставляемых этими документами прав и полномочий в последующем. Такая же мера, думается, должна применяться и к недействительным документам (к примеру, документам, срок действия которых истек[4]).

8. *Вхождение (проникновение) в жилище и иные помещения, на земельные участки и территории.* Конституция Российской Федерации[1] закрепляет право на неприкосновенность жилища. «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения», — указывается в ст. 25 основного закона Российской Федерации. Статьей 15 ФЗ «О полиции» определено, что полиция защищает право каждого на неприкосновенность жилища. Сотрудники полиции не вправе входить в жилые помещения помимо воли проживающих в них граждан иначе как в случаях и порядке, установленных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций), допускается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также: для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; для пресечения преступления; для установления обстоятельств несчастного случая. При проникновении в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств,

элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения и на указанные земельные участки и территории, и осмотр находящихся там объектов и транспортных средств.

Сотрудник полиции, осуществляющий входение (проникновение) в жилое помещение, обязан: перед тем как войти в жилое помещение, уведомить находящихся там граждан об основаниях входения, за исключением случаев, если промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан и сотрудников полиции или может повлечь иные тяжкие последствия; при проникновении в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу; не разглашать ставшие известными ему в связи с входением (проникновением) в жилое помещение факты частной жизни находящихся там граждан; сообщить непосредственному начальнику и в течение 24 часов представить рапорт о факте входения (проникновения) в жилое помещение.

О каждом случае проникновения сотрудника полиции в жилое помещение в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проникновения информируются собственник этого помещения и (или) проживающие там граждане, если такое проникновение было осуществлено в их отсутствие. О каждом случае входения сотрудника полиции в жилое помещение помимо воли находящихся там граждан письменно уведомляется прокурор в течение 24 часов. Полиция принимает меры по недопущению доступа посторонних лиц в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, и по охране находящегося там имущества, если проникновение сопровождалось действиями, предусматривающими взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению.

9. *Использование транспортных средств и средств связи в служебных целях.* Данная мера применяется в соответствии с п. 36 и 37 ст. 13 Федерального закона «О полиции», в которых закреплено право сотрудников полиции «беспрепятственно пользоваться в служебных целях средствами связи, принадлежащими государственным предприятиям, учреждениям и организациям, а в случаях, не терпящих отлагательства, — средствами связи, принадлежащими негосударственным предприятиям, учреждениям и организациям, а также общественным объединениям и гражданам» и «использовать в случаях, не терпящих отлагательства, транспортные средства, принадлежащие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям (за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, представительствам международных организаций), а в исключительных случаях — транспортные средства, принадлежащие гражданам, для пресечения преступлений, преследования лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении, для доставления в медицинские организации граждан, нуждающихся в срочной медицинской помощи, для отбуксировки с места дорожно-транспортного происшествия поврежденных транспортных средств, для проезда к месту совершения преступления, административного правонарушения, к месту происшествия, отстраняя при необходимости водителей от управления этими транспортными средствами, с возмещением в установленном федеральным законом порядке по требованию владельцев транспортных средств понесенных ими расходов либо причиненного им материального ущерба».

Несмотря на ярко выраженный профилактический характер [8, С.37-49.], административно-предупредительные меры осуществляются в принудительном порядке в процессе односторонней реализации юридически властных полномочий органов исполнительной власти и их должностных лиц. Выражаются административно-предупредительные меры, как правило, в виде определенных ограничений и запретов, что, в свою очередь, также характеризует их принудительную природу. Административно-предупредительные меры не связаны с совершением правонарушений, а направлены на их предотвращение (интересы большинства общества превалируют над интересами меньшинства), эти меры предшествуют применению других мер административного принуждения, реализуемых в случаях совершения административных правонарушений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 06.07.2016). Собрание законодательства РФ, 24.03.1997, № 12, ст. 1383.

3. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об оружии». Собрание законодательства РФ, 16.12.1996, № 51, ст. 5681.
4. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 06.07.2016, с изм. от 20.10.2016) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Собрание законодательства РФ, 19.08.1996, № 34, ст. 4029.
5. Приказ Минтранса России от 25.07.2007 № 104(ред. от 06.07.2016) «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.08.2007 № 9975). Российская газета, № 180, 17.08.2007.
6. Байгажаков С.В., Николаев А.Г., Солошенко П.А. Внедрение автоматизированной информационно-управляющей системы подразделений ДПС Госавтоинспекции, интегрированной с Единой государственной системой предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: методические рекомендации М.: Академия управления МВД России, 2014. – 48 с.
7. Бецов А.В., Елагин А.Г., Николаев А.Г. Административно-правовые средства организации деятельности подразделений полиции специального назначения, при обеспечении общественного порядка: учебное пособие. – Издание второе, доработанное. – М.: ТЕИС, 2015. – С.25-26.
8. Васильев Ф.П., Новиков Д.Н., Николаев А.Г. Административно-правовое регулирование вопросов профилактики правонарушений в России и есть - ли проблема их совершенствования?// Сборник статей Международной научно-практической конференции «Право как основа современного общества» (Челябинск, 13.02.2017 г.). – Уфа: Аэтерна, 2017.- С.37-49.
9. Николаев А.Г. Личный осмотр граждан и находящихся при них вещей - как административно-правовая мера предупреждения правонарушений. Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сборник статей межвузовской научно-практической конференции (Москва, 29 мая 2012 года). – М., Академия управления МВД России, 2013.С.139-143.
10. Николаев А.Г. Организация взаимодействия ОВД с налоговыми органами по предупреждению правонарушений в сфере налогов и сборов. Сборник статей Межвузовского научно-практического семинара Академия управления МВД России «Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности». Часть II. (Москва, 25 октября 2011 г). М., Академия управления МВД России, 2012. С. 41-45.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2017 ГОД

Январь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2017г.

Февраль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2017г.

Март 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2017г.

Апрель 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2017г.

Май 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2017г.

Июнь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2017г.

Июль 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2017г.

Август 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Теоретические и практические аспекты развития юридической науки**», г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2017г.

Сентябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития**», г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2017г.

Октябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции**», г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2017г.

Ноябрь 2017г.

IV Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2017г.

Декабрь 2017г.

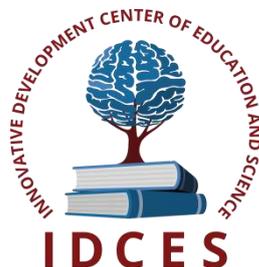
IV Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2017г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2018г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Теоретические и практические аспекты развития
юридической науки**

Выпуск IV

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 августа 2017 г.)**

г. Ростов-на-Дону

2017 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.08.2017.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,7.
Тираж 250 экз. Заказ № 081.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.